

ВДАЛИ ОТ ШУМА ГОРОДСКОГО.

КРОКОДИЛ

№ 18 (1812)
июнь 1966
год издания сорок пятый

Умеем или не умеем!

Да, именно так и стоит вопрос. А точнее сказать, два вопроса:

1. Умеем ли мы, то есть трудящиеся граждане, отдыхать культурно, разумно, весело и интересно!

2. Умеем ли мы, то есть те, кому по долгу службы надлежит, создавать трудящимся гражданам все необходимые условия для вышепоименованного отдыха!

Все 1 893 читателя, которые приняли участие в моем конкурсе «Как мы отдыхаем!», по сути дела, отвечали на эти два вопроса.

Выяснилось, что умеем. И отдыхаем в общем-то хорошо.

Тем не менее кое-где... Как говорится, в некоторых столовых и кафе... В отдельных кассах, на вокзалах и в поездах... В ряде домов отдыха, пансионатов и парков культуры...

Иной отдыхающий, намаявшись в очередях за путевкой, за билетом, за обедом, горестно вздыхает:

— Эх, не умеют еще у нас...

В умении ли всегда дело! Чаше — просто нет настроения: «Подумаешь, он на курорт едет, а я ему обязан...»

А может, нет заинтересованности! «Культурно я тебя буду развлекать или заставлю в мешке скакать — зарплата мне идет та же самая».

Инженер С. Довгань из Ижевска так отзывается о близлежащих окрестностях своего города: «У нас здесь земной рай! А вот мало-мальски

оборудовать этот рай для отдыха трудящихся — лостроить базу, лодочные станции, пансионат — никто не берется».

Неужто не умеют! Не верится!

С другой стороны, встречаются еще отдельные граждане...

Короче говоря, имеют место случаи, когда эти «отдельные» за культурный и разумный отдых почитают круглосуточное забивание «козла» и хоровое исполнение массовой лесни «Шумел камыш» от полуночи до утра.

Так умеем ли мы, товарищи, отдыхать! На этот вопрос [точнее, на два вопроса] и отвечают материалы моего сегодняшнего номера.

К сожалению, здесь не использовано и десятой доли всех тех писем, которые получила редакция. Пусть не посетуют те, кто остался за страницами журнала: их мнение, их пожелания будут приняты во внимание в будущих фельетонах на эти темы.

А сейчас я приглашаю тебя, дорогой читатель, в этот номер:

УМЕЕМ ЛИ МЫ ОТДЫХАТЬ?

Сергей СМЕРНОВ

Как хорошо

в воскресной электричке,
Забыв свои дела и маяту,
Умчаться чуть не к черту на кулички
За городскую пыльную черту.
А за чертой в любое время года
Такая уйма живописных мест,
Что термин

«равнодушная природа»
Способен вызвать форменный протест.
Идешь и дышишь воздухом смолистым,
Ты угодил в лесной волшебный плен...
Тебе поют пернатые солисты
На сотни разных песенных колен...
А первозданный берег водоема!..
А разнотравья пышный колорит!..
— Располагайся всюду, будто дома! —
Тебе сама природа говорит.
Но жаль, что разговор такого рода
Воспринимают, видимо, не все.
Иной субъект

придет как «царь природы»
И не найдет красы в ее красе.
В таких делах не смысла ни бельмеса,
Вот он в карман за спичками полез:
Его костер взлетает выше леса,
А иногда и насмерть губит лес.
Он рыщет, вроде сукиного сына,
Прицельно множит огнестрельный гром.
Дубы знобит, не только что осины,
Перед его разбойным топором.
Он рвет цветы и комкает со скуки,
Он оскверняет лоно родника.
Березоньке вывертывает руки
Его змееподобная рука.
Он, видно, чтит

лишь карканье воронье
Да свежих пней прискорбный караул.
И покидает, словно посторонний,
Места, где так «культурно» отдохнул.
И после учиненного погрома
Он всем доволен, мягко говоря...
Эх!

Не хватает молнии и грома
Для воспитания данного «царя»!
Так пусть запомнит

«царь» такого рода,
Куда бы снова ни приехал он,
Ему объявят люди и природа:
— Вход посторонним
строго воспрещен!

— Перед вами типичная стоянка туристов второй половины двадцатого века...

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Как же так? Бильярдная закрыта, спортплощадка не оборудована, настольных игр нет!

— Ничего, отдохните денек.

Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА

25 и один

Г. РЫКЛИН

— Вы обязаны окружить меня вниманием и заботой. Должны содержать меня в неге и в холе. Вы все несознательные пижоны,—словом, тверезые, дальше кефира ни шагу, ни бум-бум. А я среди вас один-единственный труженик по линии сорокаградусного напитка. Вот почему тесней сплотитесь вокруг меня и ни слова, о друг мой, ни звука, мы будем с тобой молчаливы. А меж тем некоторые типы, прохлаждающиеся в нашем доме отдыха, жалуются, что я им мешаю наслаждаться отдыхом. А чем я, скажите, пожалуйста, мешаю? Мол, песни пою. А все песни мои правильные, проверенные временем. Такие сочинения не грех послушать и в два часа ночи. Например, «Выхожу один я на дорогу». Какой тут может быть шум, когда всего-навсего один человек выходит на дорогу? Между прочим, это—сочинение уважаемого классика Лермонтова. Считаю, что стихи такого поэта можно слушать круглые сутки. А спать можно дома, вернувшись из отпуска. А в доме отдыха нечего дрыхнуть, надо любоваться природой, звездами, ясным месяцем, песни петь. Вам нравится такая песня— «Спрятался месяц за тучку, больше не хочет гулять»? Не хочет. А я хочу! Буду гулять до утра. Утром вызывает меня в контору Афанасий Петрович, директор, дай бог ему здоровья, говорит мне, ласково улыбаясь: «Не надо, дорогой товарищ Кисель, портить себе здоровье и не спать по ночам. И пить так много не надо». А почему не надо? Ведь я пью на свои. Правильно я говорю? Правильно! Другого мнения быть не может. Но петь сегодня ночью все же не буду. А буду играть на балалайке «Ходи, баба, ходи, дед, хозяина дома нет». Тут как раз и сплясать можно. В честь хозяина нашего дома отдыха, милейшего Афанасия Петровича, в честь его золотого характера. Ура! Давайте все хором — ура-а-а!..

Эту взволнованную и содержательную речь произнес перед нами некий Игнат Кисель, один из обитателей дома отдыха «Свежий воздух». В третьем флигеле этого дома отдыха тщетно пытались отдохнуть двадцать пять человек. Но это нам не удается, потому что двадцать шестой житель флигеля — шумливый пьяница Кисель.

Я здесь новый человек — всего третий день, как приземлился в «Свежем воздухе». Ни разу за эти три дня не пришлось уснуть. Ни разу не удалось полежать с книжкой или журналом на веранде. Везде и всюду Кисель со всеми своими сорока градусами. От него разит водкой и свинством на всю территорию.

А орать он начинает ни свет ни заря. Дело в том, что каждый раз, одеваясь, он обе ноги всовывает в одну штанину и поэтому кричит благим и неблагим матом и во всю силу бранит швейную промышленность, которая умудряется изготавливать такой заведомый брак.

Выпутавшись с трудом из коварной штанины, он нетвердым шагом обходит всех отдыхающих и пристает с назойливым вопросом:

— Что означает головотяп? Это меньше дурака или больше дурака?

— Почему это вас интересует?

— Видите ли, меня на одном собрании обозвали дураком. А потом в газете был фельетон «Кисель-головотяп». На что я должен больше обижаться, что крепче — дурак или головотяп?

Он бродит по всем комнатам: шумит, галдит, ругается.

Я разговорился с одним отдыхающим, старожилом — он уже третью неделю хлебает Киселя.

— Кто он такой, этот пьяница?

— Он директор какой-то мастерской — не то табуретки делает, не то хомуты. Но это по совместительству. А главное его занятие — напиваться, как свинья. Как только приехал сюда, запил, сразу начал куражиться, сразу всем нам испортил настроение, исковеркал весь наш отдых. Вот какая у нас здесь обстановка!

— Неужели вам не стыдно жить в такой обстановке?

— Очень даже стыдно,— ответил мой собеседник.— Но нет у нас никакой силы-возможности одолеть пьяницу.

— А директор? Тоже пьянчуга?

— Нет, он не пьянчуга, но сочувствующий. Весьма сочувствует Киселю. Когда мы ему говорим насчет очередной выходки Киселя, он мило улыбается: «Ну, сами понимаете,— человек выпивши, чего от него требовать? Надо это, товарищи, понимать».

Вот почему, когда Кисель засыпает, директор просит нас не шуметь, не стучать косточками домино, не разговаривать громко, выключить радио. «Человек выпил и, умаявшись, заснул — зачем его беспокоить?»

Каждому отдыхающему полагается на завтрак яичница из двух яиц. А Киселю — яичница из трех. Третье яйцо ему выдается как алкоголику. «Видите ли, он ночью крепко выпил, притомился, вот ему надо сейчас подкрепиться. Пушай ест на здоровье».

Чем же все это кончилось?

Я придумал к рассказу чудесную концовку.

Директора сняли, объявив ему строгий выговор с предупреждением. Новый директор немедленно выписал Киселя из дома отдыха. В мастерской обсудили и осудили Киселя, выгнав его с работы. Сейчас в доме отдыха — веселье, радость, тишина и спокойствие. В третьем флигеле все 26 отдыхающих пьют только кефир, иногда простоквашу. Цветы благоухают. Птички щебечут и поют. В тихий час веет мягкий, душный ветерочек...

Но, к сожалению, такую концовку давать нельзя. Преждевременно.

Худо!

Ты интересуешься, как мы здесь, на Севере, отдыхаем. Тан вот, послушай разговор двух шхтеров.

— Люблю после рабочего дня в кино сходить.

— Это хорошо.

— Хорошо, да не дюже. От меня кинотестр «Родина» далеко.

— Это худо.

— Худо, дв не дюже. Зато там интересные фильмы показывают.

— Это хорошо.

— Хорошо, дв не дюже. Только севнс начнется, чуть навчнешь разбираться что к чему — вдруг в зале свет зажигают.

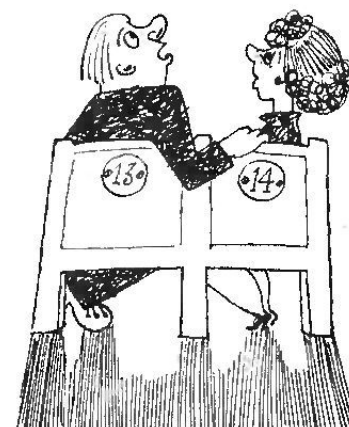
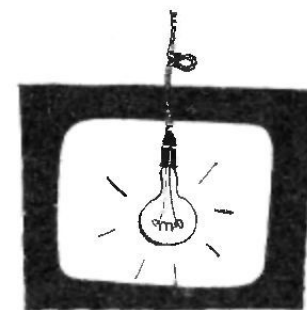
— Это худо.

— А директор кино тов. Цыбар уверяет, что в семей раз. Ему, видишь ли, не терпится проверить, нет ли в зале безбилетных. И на проверку уходит кждый раз 15—20 минут. И потом уже досматривать фильм не хочется...

Соглвсись, дружище Крокодил, что получается совсем худо.

По поручению воркутинских иннозрителей Б. СУТЯГИН

г. Воркута.

За книгой

Не знаю, как вы, а я по вечерам люблю почитать книгу.

И вот я иду в нашу библиотеку.

Стучу. Тщетно. Дергаю ручку двери. Ручка остается у меня в руке. Из соседнего дома хриплый бас информирует в форточку:

— У них в субботу выходной.

Законно. Им тоже надо отдыхать.

Иду в понедельник. Стучу. Тщетно.

Соседняя форточка информирует детским голосом:

— Они отгуливают за Восьмое марта.

Законно. Им, конечно, надо отгулять.

Иду в среду. Стучу. Тщетно. Певучий девичий голос информирует:

— У них сегодня санитарный день.

И опять законно. Обожаю, когда соблюдают чистоту не только домашнего, но и культурного очага.

Но вот что непонятно. Библиотекари ведь грамотные люди. Они же книжки читают. Неужели им трудно прибить снаружи к дверям табличку с расписанием часов работы библиотеки? Чтобы читатели зря не отрывали ручки и понапрасну не били ножки.

пос. Тугулым,
Свердловской области

Г. ЗЫРЯНОВ

Море, которое мы открыли

Прошлым летом мне с женой довелось отрыть море. Хорошее море. Синее. Соленое. Вернее, малосольное — 10 граммов соли на один килограмм воды. И очень прозрачное.

На карту мы его заносить не стали: кто-то сделал это раньше нас. Но это не главное. Мы открыли море не для географов, а для отдыха. А точнее, не море, а залив. Сары-Чаганакский залив Аральского моря.

Вода там теплая. В июне температура 25°C. Чистое солнечное небо гарантировано на весь летний сезон.

Берег пологий. Можно зайти в море на пятьдесят метров, и воды будет только по пояс.

Песок на естественном пляже сухой и сыпучий, как сахарная пудра.

Расстояние между отдыхающими здесь 30—40 метров. А какие условия для подводной охоты!

Сазанов можно бить обеденной вилкой (подводного ружья не прихватил), а неповоротливых бычков ловил при помощи большого и указательного пальцев. Словом, отдохнули замечательно. Любый черноморский «дикарь» позавидует.

Отправляясь домой, мы узнали, что на этом уютном теплом заливишке нет ни одного дома отдыха, ни одного санатория.

И тогда, не раздумывая, мы решили открытое нами море передать тем, кто призван заботиться об отдыхе советских людей.

Стройте, пожалуйста, на Аральском море пансионаты, дома отдыха, санатории!

Может быть, не каждый москвич или ниевлянин предпочтет для отдыха Аральское море Черному, но уж совсем кажется странным, когда тысячи жителей Средней Азии проезжают мимо чудесного Аральского моря с единственной целью поплескаться в каком-то другом, скажем, в Черном или Балтийском.

С. ГОНТАРЕВ,
инженер

г. Загорск,
Московской области.

1. Как все было

Есть на нашей планете благодатный край Приднепровский, где многие жители имеют два выходных дня в неделю. И они успешно справляются как с первым, так и со вторым.

Конечно, мы знаем, что в недалеком будущем второй выходной придет к каждому советскому человеку, потому что так записано в Директивах по пятилетнему плану. Но пока приднепровцам немножко завидуют, к ним ездят перенимать опыт и по-дружески просят рассказать:

— Как это у вас получилось? А вот как.

Еще лет пять назад некоторые пытливые приднепровцы пригляделись к графику металлургов и заметили, что в силу производственной необходимости у этих повелителей огня рабочую смену удлинени, рабочую неделю укоротили — и вставили дополнительный выходной. Но вспомогательные службы и техперсонал имели шесть рабочих дней.

Вот тогда родилась робкая мысль:

— Давайте введем укороченную для всех!

Услышав это предложение, многие сдержанно хихикнули:

— Ну, ну. Давай, давай!

Мотивы скепсиса были различные. Одни не представляли себе, как это можно выйти из проторенной колеи, другие, авралщики, которым и при шестидневке не хватало денька, не видели для себя никаких перспектив, а третьи... О третьих я хочу поведать вам историю, услышанную на гвоздильном заводе «Красный Профинтерн».

ОТПАВШИЕ МЕРОПРИЯТИЯ

Наше предприятие было из передовых. Оно перевыполняло что следовало, держало первенство по соцнакоплениям, бадминтону и количеству заседаний.

В три часа дня, когда подавал голос гудок, товарищ из завкома становился у вертушки рядом с вахтером.

— Терещенко, ты куда?

— Домой.

— А на подведение итогов, значит, не надо!

Приходилось идти подводить итоги. Кроме того, нужно было решать вопрос о внедрении горячей штамповки, обсудить поведение товарища, не поладившего с соседом по квартире, присутствовать на лекции о происхождении обрядов и еще успеть на беседу «Как культурно проводить досуг»... В среднем выпадало по пять мероприятий на день. Но потом потребовалось освободить от них короткий день, субботу. Это был настоящий удар.

Когда стало известно, что вводят второй выходной, наступила катастрофа.

Тихо горя, товарищи из завкома склонились над планом и вычеркнули подряд первые семнадцать мероприятий. В том числе и беседу «Как культурно проводить досуг»... Обойдемся, мол, теперь без этой беседы.

Многие хозяйственники опасались, что новый график ударит по производству и снизит валовой выпуск продукции. Тем не менее короткая неделя победила.

Откровенно говоря, решение было принято в порядке пробы.

Сначала перевели на новый режим шестнадцать металлургических цехов. Посмотрим, мол, что из этого выйдет. Затем подключили к ним другие цехи, заводы,

рудники, фабрики. В настоящее время картина по Днепропетровской области такая: с двумя выходными работает 40 предприятий, в том числе такие гиганты, как Криворожский металлургический завод, Петровка, Южнотрубный. А всего 185 565 человек!

Конечно, эта цифра все время меняется. Растет.

2. Что же из этого вышло

В пятницу, идя с работы, вы вдруг ощущаете, что в воздухе пахнет озоном, что жизнь хороша и впереди у вас два неистраченных, дарящих отраду дня.

Если вы рыбак... Не надо говорить, какие возможности открывает перед вами судьба, если вы рыбак. Две ночевки на воздухе,

чу строят туристскую столовую.

И еще одно. Днепропетровский трубопрокатный завод приобрел пароход. При короткой неделе, видимо, без него не обойтись.

В общем, совсем неплохо. Это заключение сделано не только эмпирическим, но и научным путем. В подтверждение чего позвольте поделиться историей про

РЕФЕРЕНДУМ

рассказанной В. Е. Трицилиным, заместителем начальника Центрального нормативно-исследовательского бюро по труду при Министерстве черной металлургии УССР.

— Наше бюро совместно с Московским научно-исследовательским институтом труда решило провести социологический опрос. Своего рода референдум. Как,

две утренних зорьки и два во-от таких улова! Все в сдвоенном количестве...

Если вы студент-вечерник, то прихватите определенное время на составление эссе по сопромату, но зато остаток выходных будет заполнен безмятежным отдыхом и сознанием того, что вы получите пятерку.

Если вы совмещаете государственную работу с обязанностями домашней хозяйки, то сразу, как мужу, пойти на рыбалку вам не удастся. Первый волшебный вечер придется потратить у газовой плиты. Свободной, как птица, вы почувствуете себя по крайней мере в воскресенье, сможете почитать, погулять, позагорать и... дополнительно постирать, если прачечная в вашем районе плохая или ее нет совсем.

Резервы отдыха неистребимы. В субботу утром станьте где-нибудь на перекрестке и поглядите: валом валит народ в войлочных шляпах, нагруженный снастями, ракетками, надувными кругами и рюкзаками со съестным.

На лоно природы!

Однодневные дома отдыха пока сохранили старые названия и старую форму, но содержание у них уже двухдневное и число их увеличилось в пять раз. За одно только прошлое лето в них побывало 80 тысяч человек.

Полупустынный в прошлом днепродзержинский остров Кривец нынче густо усеян палаточными оазисами, вышками, пляжными грибами, торговыми точками. Вечером загораются костры, булькают котелки с домашними харчами, а поблизости тюкают топоры: это на подмогу домашнему хар-

мол, вы относитесь к короткой неделе!

Составить вопросник было делом всего двух месяцев, размножить — делом двух дней, а потом наши сотрудники взяли 1 300 вопросников и пошли с ними в народ, то есть в цеха.

Ответы были очень разные.

На вопрос «Вспомните, как вы провели первый свободный вечер!» один товарищ сообщил:

«Два часа ругался с женой, а потом мы с ней пошли в театр».

Ну что ж, вполне могло быть! Другая запись, в графе об ощутимых переменах:

«Раньше нянчил ребенка один раз в неделю, теперь — два».

Это вряд ли следует принимать всерьез.

Ценное предложение:

«В конце второго выходного приходишь к мысли, что неплохо бы ввести третий!»

Словом, референдум дал свои плоды. Он показал, во-первых, что у трудящихся, несомненно, есть чувство юмора, и, во-вторых, что 89,6% из них безоговорочно одобряют короткую неделю.

Т. П. Безуглая, сотрудница лаборатории Запорожского алюминиевого завода, приложила к анкетам целую диссертацию, в которой есть такие строки:

«Мое мнение — вернуться к старому графику было бы безумием!»

Прочие комментарии не столь эмоциональны, но столь же выразительны. Лаконичная приписка многих украинских металлургов: — Хай живе!

В. Е. Трицилин закончил свой рассказ. Из него явствовало, что

трудящиеся, безусловно, выиграли. Я спросил Василия Ефимовича, не проиграло ли производство. Он добыл три тома экономических, аналитических, технологических и финансовых выкладок и ознакомил меня с ними. Думаю, читатели мне простят, если я приведу только готовые выводы:

а) производительность труда возросла;

б) потери рабочего времени упали;

в) ремонтное дело укрепилось;

г) заболеваемость ослабла — и вообще никаких противопоказаний нет!

Оказалось, что интересы человека счастливо совпадают с интересами производства. Никто ничего не теряет.

3. Пиковое положение

Боюсь, что я погрешил перед читателем, внушив ему облегченные представления о переходе на пятидневку. И, если, прочитав мои заметки, желающие проголосуют за второй выходной и издадут соответствующий приказ, хочу их предупредить: этого мало. Надо еще подготовиться. На производстве и в быту.

В период укороченной недели как-то очень трудно добыть мотор к лодке, хлорвиниловый шатер кочевника или обыкновенный рыболовный крючок № 3, но, в общем, это преходяще. Наша промышленность и торговля такие задачи решают запросто.

Но есть трудности и посложнее, — они связаны главным образом, с сосуществованием рабочей пятидневки и шестидневки.

Возьмите коммунальный транспорт. Часы «пик» сдвинулись, пятница переместилась на место субботы. Но автобусный трест не перестроился. В расписании движения все осталось без перемен, и, когда нужно, вам ни за что не выбраться за город.

Теперь попробуйте в субботу, ранним утречком, перед поездкой запастись свежей провизией. Закрывается «Гастрономы» тоже не приспособились к счастливому обладателю двух выходных. Столовые, детские учреждения, вечерние техникумы, библиотеки — тоже.

Даже родимый обком профсоюза может подложить вам свинью, вызвав в субботу на пленум или на рейд проверки подготовки к зиме. Все по той же причине — у него старый график.

Я пишу об этом потому, что скоро нам всем предстоит встреча с короткой неделей. Извлечем уроки.

Самый лучший выход из пикового положения, по-видимому, заключается в том, чтобы постепенно осуществить перевод на новый график комплексно, во всем общем масштабе. Ну хотя бы в масштабе городов.

Конечно, сделать это не легко, даже трудно, а в школе и того трудней, но хочется верить, что в конце концов удастся изыскать возможность и для самого занятого человека — школьника!

Что можно сказать в заключение о втором выходном? Только то, что сказали металлурги: — Хай живе!

Мих. ЛЬВОВСКИЙ

г. Днепропетровск.

ПО ГРИБЫ

Рисунки Е. ЩЕГЛОВА

Ф. ПАНИН

ДИКАРИ

— Товарищи дикари! — сказал директор. — Ведите себя, как люди.

— А вы обращайтесь с нами, как с людьми!

— Хорошо, — сказал директор, — чего вы хотите?

— Мы хотим в баню! — крикнул один дикарь, рыжебородый.

— Мы хотим овощей! — рявкнул чернобородый.

— Мы хотим инструктора! — рыкнул русобородый.

Директор поднял руку.

— Отвечаю: баня не резиновая, овощи не частные, инструктор не железный. На всех не хватает.

— Мы две недели были в горах! Мы хотим в баню!

— А чего вы кричите? — тихо спросил директор.

— Я глубоко извиняюсь, — еще тише ответил чернобородый. — Мы жили на одних концентратах. Мы хотим картошки и капусты.

— И зеленого лука, — добавил рыжебородый. — С маслом.

— А больше вы ничего не хотите?

— Хорошо бы еще утюг, — мечтательно улыбнулся русобородый. — Брюки погладить!

— Повторяю: утюг не железный. То есть... утюг как раз железный. Это инструктор не железный.

— Да! — вспомнил чернобородый. — Нам нужен инструктор. Чтобы он проводил нас через перевал.

— Послушайте, — ехидно спросил директор, — вы дикари?

— Дикари, — подтвердили дикари.

— А я отвечаю за плановых туристов. За дикарей не отвечаю.

— Что же нам делать? — Рыжебородый сделал шаг вперед.

— Но-но! — сказал директор и сделал шаг назад. — Спуститесь в долину. Там есть баня и магазины.

— Мы не можем терять два дня, — объяснил русский. — У нас отпуск.

Директор опять поднял руку.

— Товарищи дикари! У нас плановое хозяйство. Мы все планируем. И туризм тоже. А вы — вне плана. Поэтому никакой бани, никакой картошки, никакого инструктора. Все.

И директор исчез.

Дикари поставили палатку неподалеку от турбазы, поели концентратов и легли спать. Но сон не шел. По ту сторону забора играла музыка, и плановые туристы, помывшись в бане и поев картошки с огурцами, в отутюженных брюках отплясывали с девушками твист.

— Живут же люди! — вздохнул русобородый.

— Брось! — сказал рыжий. — Вспомни, что в горах остался снежный человек. Ему хуже, чем нам. У него даже концентратов нет.

г. Ленинград.

Все-таки приятно, когда видишь красивое лицо. Оно, знаете ли, настраивает. Поднимает морально-этический и эстетический уровень. Заставляет быть лучше.

В городе Кирове, том самом, что стоит на Вятке-реке, уже не первый год идет самоотверженная борьба за красивое лицо. Сигнал к ее развертыванию обычно исходит от вернувшихся с юга к старым гнездовьям грачей. Как только, усевшись на самый высокий городской тополь, они прокричат «Пор-р-р-а!», тут же горисполком дает команду, которую тут же подхватывают райисполкомы и спускают вниз по инстанции—в домоуправления, постоянные комиссии, депутатские группы. Спешно проводится серия заседаний и совещаний. На страницах местных газет появляются соответствующие рубрики. В местном эфире и с голубых экранов телевизоров звучат прочувствованные призывы.

И лед начинает трогаться. Он трогается во всех смыслах: в буквальном и переносном. Вооружившись ломом, метлами, лопатами и горячим энтузиазмом, кировчане выходят на городские улицы и принимают энергично долбить, копать, мести, скрести. Вдоль улиц выстраиваются шпалерами деревья, на пустырях закладываются парки.

Но красота никогда не дается легко. На пути к ней встречаются трудности. Два года назад, когда в пойме огибающей город реки Хлыновки стали закладывать новый парк, на эти трудности сетовал начальник Кировского горзеленстроя тов. Волков. В областной газете «Кировская правда» он бил тревогу по поводу отсутствия в местных питомниках посадочного материала.

Но трудности ведь для того и существуют, чтобы с ними бороться. И в Кирове их успешно преодолевают. Саженцы завезли с Алтая. За ними ездил туда один пенсионер—страстный любитель природы. Во сколько обошлись алтайские переселенцы—не будем сейчас говорить. Важно не это. Важно, что угроза позорного провала плана озеленения города была предотвращена.

В то памятное лето местные краеведы сделали пометки в своих летописях: «В 1964 году в пойме реки Хлыновки и по берегу реки Вятки заложен новый парк». Статистики подсчитали и включили в отчеты, сколько и каких посажено деревьев и кустарников. Научные сотрудники сельхозинститута дали несколько полезных советов о том, что надо делать, чтобы деревья не погибли, прижились. Среди новых рядов молодых

саженцев появились предостерегающие надписи: «Не ходить», «Не ломать», «Не портить»...

Но пришла зима. В зимнюю снежную пору с благословения ответственных городских товарищей молодой парк был превращен в место свалки. Хрупкие саженцы, а заодно с ними и предостерегающие надписи смяли тяжелые самосвалы. От не успевшего расцвести парка повеяло букетом других запахов.

Но опять пришла весна. Заведующий городским отделом коммунального хозяйства В. Софронов бросил клич: «Украсим город садами!», «Приуем внимание общественности к озеленению!». И приковал. Отзывчивая общественность снова схватилась за ломы и лопаты. И надо отдать должное: парк она возродила, устроила лучше прежнего. А чтобы никакой злоумышленник на него больше не посягал, вместо сторожей и корявых надписей поставили монументальные щиты. На щитах крупно (видно за версту) написали: «Свалка нечистот строго запрещена. Штраф 10 руб.».

Второе лето тысячи кировчан, греясь на теплом прибрежном песочке, любовались молодыми побегами саженцев, привезенных сюда из дальних и ближних краев. Стали бы они, вероятно, любоваться и третье лето, если бы после осени 1965 года как на зло опять не грянула зима. Под заукопный вой метели опять мимо окон горисполкома потянулась в парк длинная вереница самосвалов, наполненных выше бортов снегом, вперемешку с песком, шлаком, золой, битым стеклом... Щиты грозили штрафами, но водители, глядя на щиты, лишь усмехались: если бы горисполком вздумал штрафовать за это нарушение главного виновника, у него у самого не хватило бы на уплату штрафов никакого бюджета.

Но не успели еще самосвалы доломать последние черенки, как неугомонные грачи снова подали сигнал: «Пор-р-р-а!». Пересиливая шум идущих на Хлыновку самосвалов, председатель Кировского горисполкома Юрий Иванович Деревской заявил на сессии городского Совета, что в ближайшие два года общественность города Кирова должна превратить пойму Хлыновки и левый берег Вятки в цветущую зеленую зону. И вообще пора ликвидировать здесь свалку!

В Кирове эти слова никого не удивили. Люди уже привыкли...

М. АРДАШЕВ

г. Киров.

Юрий БЛАГОВ

БОЛЕЗНЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Болезней тяжких я не знал,
Но с первого же дня
В одной из здравниц персонал
«Больным» назвал меня.

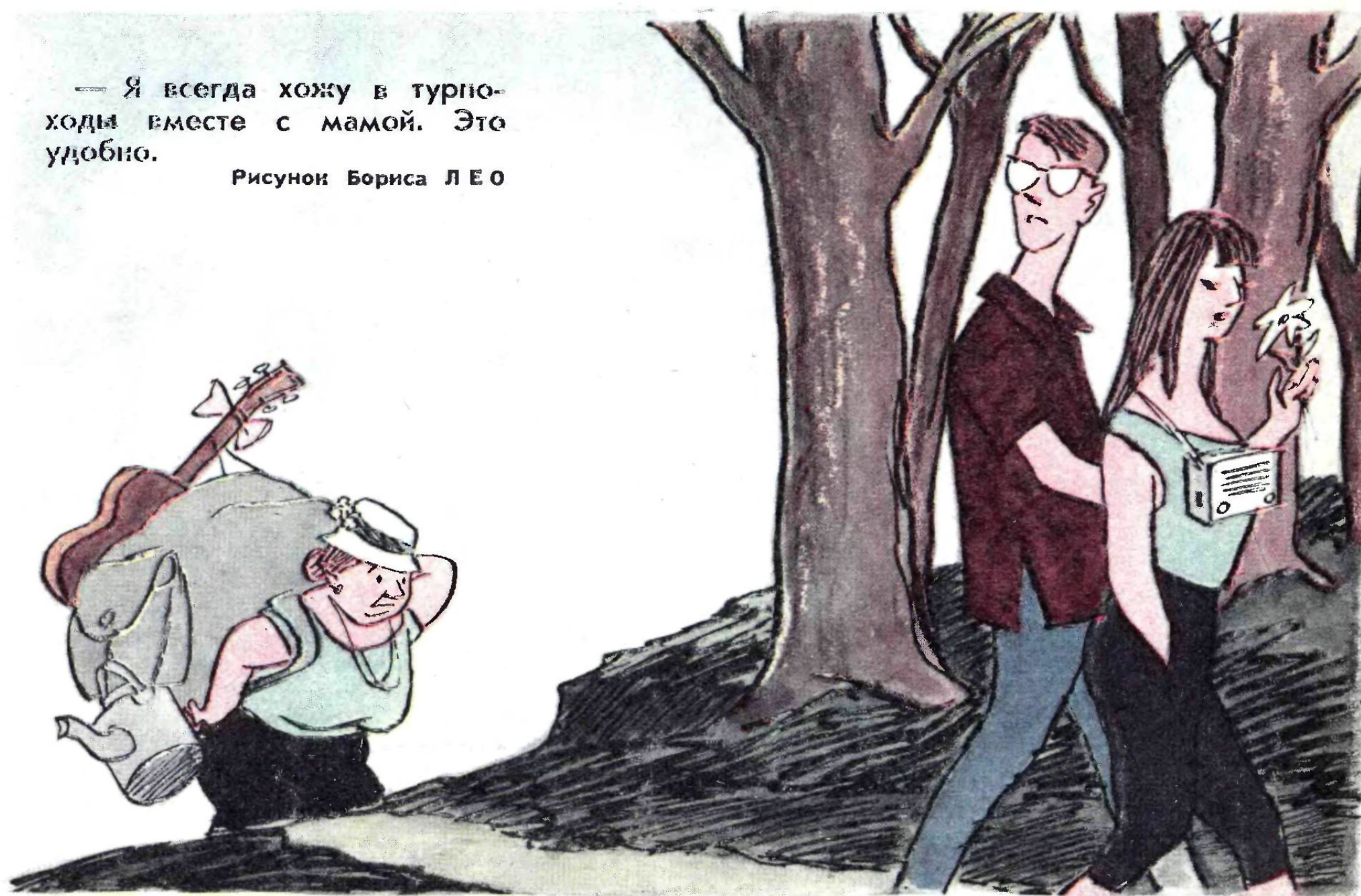
Пленясь морской голубизной,
На пляж я шел, но нет—
Меня окликнули: — Больной,
Идите на обед!

Едва шашлык я кончил есть,
Как титул мой возрос:
— Больной Салфетка
Двадцать Шесть,
Возьмите абрикос...

Сияло солнце надо мной,
Дышал здоровьем Крым,
Но, слыша клич «Больной!»,
«Больной!»,
Я вскоре стал больным!

— Я всегда хожу в турпоходы вместе с мамой. Это удобно.

Рисунок Бориса ЛЕО

ПОДЫШИТЕ ЗА МЕНЯ

Несколько членов профсоюза, работающих на Чимкентском комбинате асбестоцементных конструкций, решили в выходной день подышать озоном за чертой города. Этой новостью профорг т. Загорулько поделился с руководством завода.

— Чудесно! — обрадовалось руководство. — Шагайте, товарищи! Только не забывайте дышать глубже. Озона в воздухе много, на всех хватит.

— Далековато шагать, — сказал профорг Загорулько. — Вот тут у меня заявочка есть насчет машины.

— Машина, конечно, удобнее трамвая, — задумчиво ответило руководство.

Но, с другой стороны, на машине в отличие от трамвая может ездить не всякий. Чтобы доверить ее вам, нужно посоветоваться, обдумать, взвесить все «за» и «против». Соберите на вашей заявочке мнения соответствующих товарищей.

И пошел профорг Загорулько собирать мнения. Добросовестно собирал. Однако и воскресенье не успел обойти всех, кого нужно. Пришлось еще неделю прихватить.

Наконец все уладилось как нельзя лучше.

— Вот вам, братцы, заявка с последней, шестой по счету резолюцией, — сказал профорг Загорулько товарищам. — Берите машину и поезжайте. А я уже не могу. Устал. Подышите там озоном за меня.

Н. М.

Слова, слова...

Любое дело начинается с разговоров. Так было и на сей раз. Президиум Удмуртского областного совета профсоюзов и Ижевский горисполком обсуждали организацию загородных зон отдыха.

— Отдыхом заниматься надо всерьез, — заключил Г. Шаталин, руководитель областного совета. — Здесь мы подработали проект постановления.

— Прощу уточнить, — поднялся металлург, — где для нас закрепляется «излюбленная территория для массового отдыха»?

— Вам лучшее место дали, — ответил Шаталин. — Соловьевскую дачу. В этом году будете отдыхать.

«Этот» год был год 1963-й. Но за постановлением последовали новые дебаты, длинные и однообразные, как телеграфные провода.

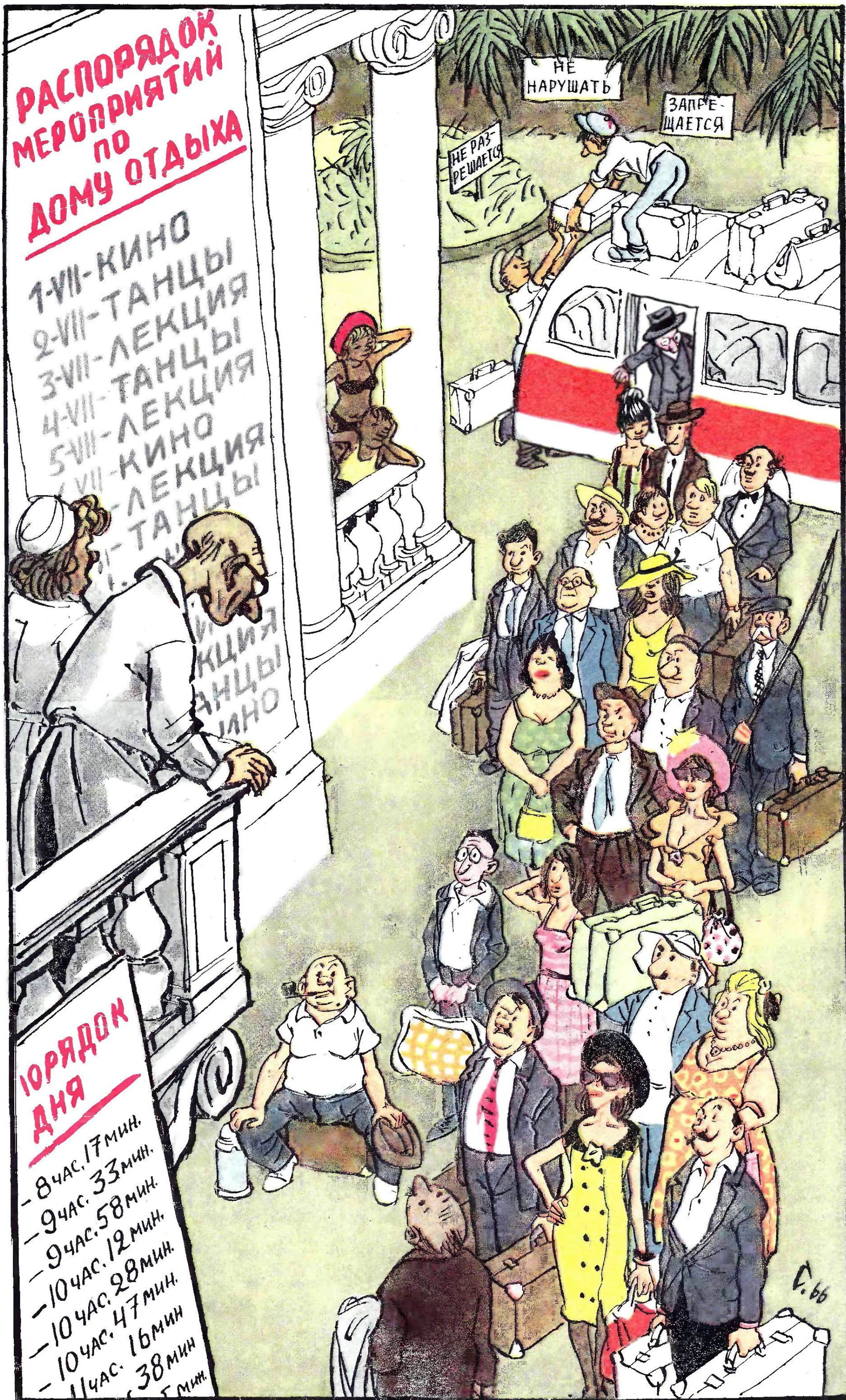
«Практически ничего не сделано, — писала газета «Металлург». — На базе не организовано питание и культурное обслуживание».

И дебаты, принимая критический крен, вспыхивали с новой силой. Затем вносилась оптимистическая нота. Представители металлургического завода подписывали торжественное обязательство: «Построить и сдать в эксплуатацию (уже в 1965 году) пищеблок, обеденный зал и палаточный городок в районе Соловьевской дачи».

Кончился 1965 год. Разговор об организации культурного отдыха докатился до столицы. «Что же, решение исполкома так и останется на бумаге?» — спросила газета «Советская Россия».

Дискуссия об отдыхе продолжается...

В. ДЕЖИН

— Товарищи вновьприбывшие! Предупреждаю: кто будет точно придерживаться расписания нашего дома, отпустим раньше срока!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ОЧЕРЕДНОЙ отпуск

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ПЯТЬ ДНЕЙ ОДНОГО ГОДА

Я еду отдыхать.

Я сижу в автобусе, и он, гроыхая на ухабах свежеекрашенным кузовом, везет меня в Новую Ляду, в дом отдыха.

В раскаленном на солнце автобусе — как в духовке. Пассажиры, не успевшие сесть, стоят в проходе, спрессованные в монолитный брикет, наподобие фиников. Какая-то дородная дама старается удерживать в вертикальном положении эмалированное ведро с квашеной капустой, которое то и дело сползает с моей головы.

Но я не раздражаюсь.

«Не надо! — говорю я себе. — Не надо раздражаться! Ведь ты в отпуске. Ты едешь отдыхать...»

День первый

— Вот ваше койко-место. Здесь вы будете отдыхать.

— В этой будке?!

— Коттедж это, гражданин, на два лица... А ежели не нравится, можем перевести в комнату на шесть человек.

— Нет, нет! — воскликнул я. — Мне нравится!

При этом я поспешил изобразить на лице состояние крайнего восторга и принялся вовсю расхваливать мое новое жилище.

— Это что, кровать? Ах, какая хорошая кровать! А этот ободранный ящик — тумбочка? Ах, какая прекрасная тумбочка! А шифоньера или какого-нибудь там шкафчика нет? Превосходно! И графина для воды тоже нет? Замечательно!

Заодно я сделал вид, что меня радуют торчащие в том месте, где должен быть выключатель, оголенные электрические провода. А отсутствие каких-либо вешалок и крючков для одежды я вос-

принял как величайшее благо, которое избавляет меня от обременительных условий цивилизации.

В доказательство я тут же стащил с себя пиджак и швырнул его под кровать.

Когда несвежая униформа дежурной исчезла за ближайшим домиком, я присел на поверженную каменную вазу.

Посидев, я пришел в себя и отправился изучать топографию местности.

Реки поблизости не было, но зато был пруд. Вокруг шумели густой сосновый бор, березовая роща и еще 29 гектаров зеленых насаждений.

Соловей в лесу разучивал новые песни. Воздух состоял из чистого кислорода.

День второй

Утреннюю побудку объявил опять же соловей.

— Тюф-тюф-тю-у! — заливался он. — Тюф-тюф-тю-у!

Повсюду замелькали разноцветные халаты, полосатые пижамы и голубые майки отдыхающих. Вооруженные зубными щетками, пастой и мыльницами, они разыскивали умывальник.

Ко мне подбежал человек с розовым махровым полотенцем через плечо.

— Послушайте! — взволнованно прошептал он. — Может, в доме отдыха не полагается умываться? Может, есть такая медицинская рекомендация, а?

Человек с полотенцем заронил в мою душу раскаленный уголек сомнения.

В самом деле, полагается или не полагается? Заодно возник другой вопрос: надо бриться во время отдыха или не надо?

Судя по тому, что в коттедже, где

я жил, не было и намека на зеркало, бриться было не обязательно. Но эта была лишь гипотеза, ее следовало подтвердить.

Я пошел разыскивать директора дома отдыха, чтобы получить у него квалифицированную консультацию по интересующим меня вопросам.

На веранде спального корпуса, обставив круглый стол и вытянув шею, толпились отдыхающие. Они разглядывали огромную, овальной формы консольную щетку с кожаным хлястиком на тыльной стороне.

Щетка, как выяснилось, была единственным на весь дом отдыха изделием

из щетины. Белобровый паренек составил список жаждущих воспользоваться этим предметом личной гигиены. Я же записался.

— А к парикмахеру тебя писали? — спросил паренек. — Прикинь, с четнадцати до восемнадцати по четным воскресеньям — короткий день, в понедельник — выходной.

— Давай, пиши!

Пока я оформлялся в разные очереди, подошло время завтрака. Я поспешно

шил в столовую. Но тут выяснилось, что питаться мне надлежит во вторую смену, а пока завтракает первая. Ждать пришлось часа три...

В столовой нам выдали индивидуальную вилку каждому и один столовый нож на четверых. Мы решили пользоваться им в порядке живой очереди.

Из столовой я вышел, беззвучно шевеля губами.

— Итак, чтобы не забыть,— повторял я,— обед во вторую смену, на столовый нож я третий, в парикмахерскую—127-й, на лодку—35-й, на щетку—163-й, на холодильник... тфу, черт! При чем здесь холодильник?! Я ведь отдыхаю!

День третий

Умывальник, оказывается, в доме отдыха все-таки есть. Шесть точек на четырехеста человек. Четыреста разделить на шесть—значит, моя очередь примерно шестьдесят шестая.

Поэтому я и мой сосед по хижине, Толя, решили по-прежнему умываться в пруду. Вместе с нами здесь чистят зубы, моют шею еще человек триста.

И вдруг сегодня во время утренней процедуры Толя закричал:

— Ой-ой-ой!

Я оглянулся и обнаружил, что набежавшая волна смыла все мои туалетные принадлежности. На берегу осталось лишь казенное полотенце.

— Ну что ж,— с деланной бодростью сказал я,— куплю еще.

— Где?— уныло спросил Толя.

Трезвый вопрос соседа поставил меня в тупик. Купить щетку, мыло и пасту было действительно негде. Разве что в Новой Ляде, а то и в самом Тамбове.

На территории дома отдыха существует одна-единственная торговая точка, но ни щеток, ни мыла там не бывает.

— Все равно!— сказал я Толе.— Пойдем.

Основанное райпотребсоюзом при доме отдыха коммерческое учреждение было до потолка забито бутылками. Сосуды разной конфигурации ласкали глаз и манили высокохудожественными этикетками. Содержимое сосудов мерцало, переливалось и искрилось на солнце. Шампанское. Мукузани. Курортный напиток. Водка. Перцовка. Зверобой...

— А щетки?— робко начал я.— Обыкновенные зубные щетки у вас есть?

Продавщица отрицательно мотнула головой.

— А мыло? Паста? Одеколон? Лезвия? Пудра? Расчески?

Продавщица уставилась на меня удивленными глазами.

День четвертый

В 11 утра:

— Значит, так, граждане отдыхающие, а заодно и гражданки! Сразу после завтрака—в музей. Поглядим на разные предметы древности и старого быта.

В 12 дня:

— В музей, граждане, не поедем. Не пришел автобус, а пешком до Тамбова далеко... Будет лекция. Когда? Вот как придет лектор, так и будет.

В 6 вечера:

— Ждем, граждане, не волнуйтесь. Скоро начинать будем.

В 7 вечера:

— Ждем, ждем...

В 8 вечера:

— Вот шельма, опять не приехал! Который уж раз подводит! Что? Кто я буду? Сторож я, граждане отдыхающие... А культработника нету. Убег он от нас... Вот я, значит, и занимаюсь на общественных началах.

День пятый и последний

Директора нигде не было... За пять дней отдыхающие видели его всего лишь раз. Пришлось устроить специальную облаву. Операция проводится по всем правилам. Повсюду в шахматном порядке расставлены секреты. Связные то и дело докладывают:

— В конторе нет!

— В столовой нет!

— На хоздворе нет!

Я несущу вахту, сидя на скамейке. Рядом дежурит тракторист из Кирсанова—Петр Семенович. Чуть дальше—электромонтер Женя. Студентка Лиля, делая вид, что отдыхает, патрулирует у конторы. Ее страхует старый партизан, слесарь из Жердевки,—дядя Вася. Нет, нет! Сегодня директору от нас не уйти!

И действительно, уйти от разговора с отдыхающими директору новоядинского дома отдыха Анатолию Михайловичу Войчику в этот день не удалось.

— Ни порядка, ни распорядка у вас нет,—сказал директору дядя Вася.

— В столовой кормят одной картошкой,—подтвердил монтер Женя.

— Люди изнывают от скуки,—сообщила Лиля.

— В комнатах грязь,—сказал Петр Семенович.

— Самый добросовестный сотрудник в доме отдыха—соловей,—уточнил я. Анатолий Михайлович отчаянно замахал руками.

— Товарищи, товарищи!—пританцовывая, заговорил он.—Уже все в порядке. У нас только что побывал заместитель председателя Воронежского территориального совета Элиодор Валентинович Стешинский. Он лично ознакомился и лично отреагировал. Вот, прислал директивный документ.

Директор потряс в воздухе толстым альбомом. Я через его плечо взглянул на титульный лист. На нем было выведено:

Типовой проект
4—16—243
Дворовая уборная на четыре очка
№ 7290.

* * *

...Через полчаса с чемоданом в руках я стоял на автобусной остановке. Приметив мою заросшую колючей щетиной, неумытую физиономию, ко мне подошел дружинник.

— Сбежал?

— Сбежал.

— Ну беги...

В раскаленном на солнце автобусе было жарко, как в духовке. Дородная гражданка старалась удержать в вертикальном положении ведро с квашеной капустой, которое то и дело сползало с моей головы.

Но все это меня не раздражало. Про себя я напевал:

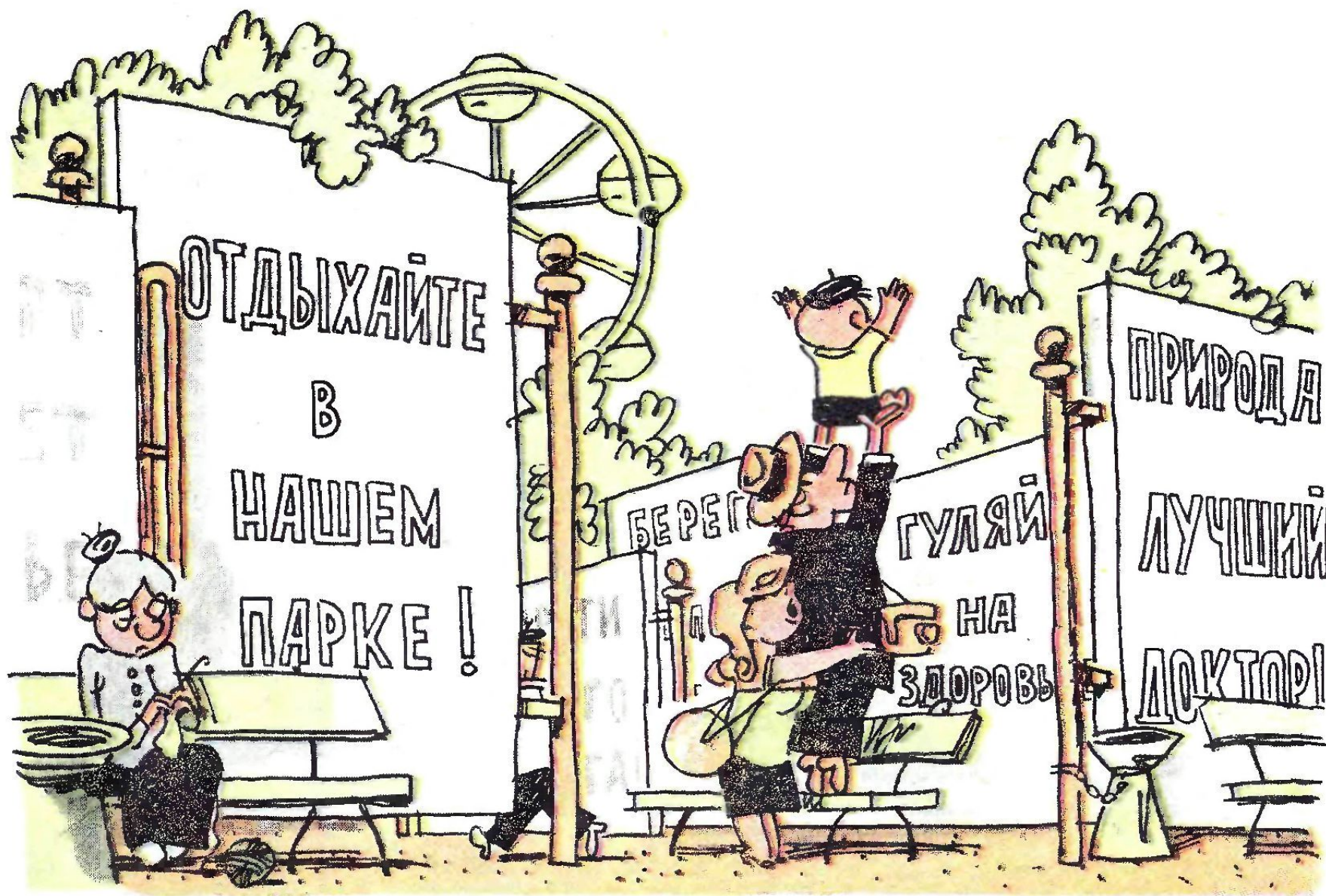
«Я еду, еду, еду!»

Действительно, как хорошо, что я еду! Не туда, а обратно...

Б. ДАНЕЛИЯ

Тамбовская область.

— Подними Лешеньку повыше, чтобы он посмотрел на травку.

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

— Ты все возмущалась, что на пляже много пьют. Зато смотри, какие пояса получились!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

СЛИШКОМ ЧЕРНОЕ МОРЕ, или ЧЕГО МНЕ НЕ ХВАТАЛО

Вот вы спрашиваете: «На Черном море был?» Был. «Отдыхал?» Отдыхал. «Так чего тебе не хватает?» А я вот сейчас вам скажу, чего мне не хватало, когда я в прошлом году отдыхал в Махинджаури, в здравнице «Мзиури», что в переводе означает «Солнечный».

Мне еще в школе твердили, что Черное море — это название образное, а на самом деле море синее, как милейские штаны. Так вот, неправда это. Самое черное в мире Черное море мое. И пляж тоже. Ляжет кто-нибудь на разноцветные морские камушки, а встает с черными разводами на спине. Захочет смыть их в море, а нет, голубчик, ныряй прямо с берега и плыви без акваланга метров этак двадцать под водой. И упаси бог ненароком всплыть раньше времени. Накроет тогда чадрой нефтяная пленка горемычную голову отдыхающего. И не отскоблить ее.

Кто-то из местных жителей, добрая душа, прибил к столбику на берегу банку от бычков в томате и ежедневно наполнял ее керосином. После морских ванн мы обычно занимались керосиновым обтиранием, а потом в плавках и купальных костюмах (по вторникам, четвергам и субботам) бежали в душевые нашего дома отдыха. В остальные дни недели, когда душ не работал, ярые купальщики так пропитывались нефтепродуктами, что с опаской поглядывали на жаркое аджарское солнце — как бы не воспламениться! — и ходили только по теневой стороне улицы.

Ну? Теперь вы, надеюсь, догадываетесь, чего мне не хватало? Цистерны. Не с квасом, не с пивом, а с керосином. Ведь разве одной консервной жестянки может хватить на всех жаждущих ласки морской волны?

А. ЯСКЕВИЧ

г. Тбилиси.

Дальше и дальше...

Не знаю, как у вас, а в нашем городе полный сервис. Хочешь стать автотуристом — пожалуйста! Иди в контору, оформляй прокат, получай машину — и кати на здоровье нуде душе угодно.

Моей душе угодно было ехать на юг. Дорога — мечта!

Когда подъезжаешь к конечному пункту, всегда немного волнуешься. Я не волновался. Я знал, куда я еду. В ирмани лежал путеводитель, и я свернул и кемпингу.

Плакат «Езжай дальше!» ясно подсказывал дальнейшие действия.

Дальше было то же, то же и то же...

И я ехал, ехал и ехал...

Ура! Сушатся пеленки, жарится пирог! Автостоянка!

— Проезжай! — крикнул сторож.

Я проехал.

Ура! Знак: можно спать!

— Проезжай! — В мотоцикле сидел инспектор ГАИ. — Знак зимний, а сейчас сезон летний, а ежели тут каждый остановится, образуется пробка...

— Послушай, друг, не могу же я всю жизнь ехать!.. Где мне остановиться?

— Там, куда едешь.

Я поехал.

Ура! Пещера!

— Проезжай! — выскочили Али-баба и сорок разбойников: шла киносъемка.

Я проехал. И попал на пустынный берег моря.

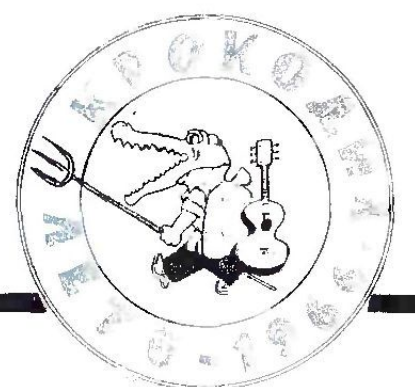
— Проезжай! — Из-за камня вылез старец в морской тельняшке.

И тогда... Тогда я на ходу выскочил из машины, и она покатила без меня!

Я не был больше автотуристом! Я был просто отпускником! И я разбежался и бросился в море!

Р. С.

г. Ялта.

ИСПОЛНЕНИЕ

«...В лето 6667 [1159] представился Борис, князь Юрьевич, и положиша его братья в церкви, ее же создал отец его Юрий на Нерли...»
Лаврентьевская летопись.

Если кто-нибудь считает, что это не дальние странствия, пусть сразу же бросит в меня какой-нибудь путеводный знак. Я не напрасно сказал «какой-нибудь». Ибо на всем пути из Москвы в эти края нет ни одного перста, указующего, как проехать в Суздаль.

Итак...

За восемь часов серебристый воздушный лайнер доставит вас в Хабаровск.

Приблизительно за то же время старенький автобус привезет туриста-отпускника в XII век, в Суздаль.

Можно доехать и чугункой. До Петушков, потом перелезть в поезд на Владимир, а уж оттуда всего за час еще более дряхлый автобус перенесет вас в город-сказку, лет которому больше, чем Москве.

Поэтому уж не будем придирааться и сетовать на отсутствие путеводных знаков. И даже на капризных людей из областной электросети, время от времени выключающих свет во всем древнем Суздале, так что ни побриться, ни почитать, ни поесть в ресторане. Господь с ними, с электрона начальниками. Сам город, ожившая легенда, ждет вас, туристы и отдыхающие...

Турист любознателен, как обезьяна. Он хочет осмотреть решительно все памятники. Но храмов, церквей и валов в Суздале раздражающе много. И даже самый энергичный отпускник у пятого храма кладет язык на плечо. Происходит это так.

Когда кажется, что все уже осмотрено и можно закусить, из-за домов высовывается очередная историко-архитектурная ценность. Разумеется, издали трудно разобрать, какая это ценность. А вдруг и не ценность вовсе, а вульгарная застройка прошлого века? Поскольку же путеводителем по Суздалью отпускник не обладает (просто-напросто нет их, путеводителей), то, хуля всевышнего, который в данном случае абсолютно ни при чем, изнеможенный турист как улитка ползет к храму. А коль скоро сам храм не снабжен соответствующей табличкой (построен... в таком-то веке... охраняется... и т. д.), то на всякий случай турист сообщает жене: «Это неповторимо! Мила, ты видишь эти пропорции? Эту воздушность?»

Миле хочется лечь на безобразные кучи мусора, окружающие храм, и больше никогда не вставать, но тут из-за холма показываются воздушные очертания Цареконстантиновской церкви...

Сгибаясь под рюкзаком, тяжелым, как шапка Мономаха, турист идет в Кидекшу, к реке Нерли, близ которой князь Юрий воздвиг в 1152 году церковь Бориса и Глеба, древнейшую белокаменную постройку Северо-Восточной Руси. Под тяжестью рюкзака турист не может свернуть влево, к церкви, а сбегает по дороге вниз, где взору его предстает вполне современная свалка. Там миазмы и запустение.

И здесь, так и не сняв рюкзак, он садится у некогда судоходной Нерли и с горечью размышляет о печальных фактах. В уникальном бесстолпном соборе Ризоположенского монастыря свила себе уютное гнездо база Роскультторга. Слов нет, хранение лыж, мазей и глобусов — дело важное. Но ведь не в здании же XVI века! И уж определенно не следовало бы хранить современную мебель в не менее уникальной Лазаревской церкви 1663 года...

Турист опять богохульствует и снова пеши возвращается в Суздаль, дабы осмотреть великолепно сохранившийся домик XVII века. Он бы, турист, благоговейно прошелся по половицам, восхищенно шепнул бы: «Вот строили, черти!» Но тут он замечает в окошках домика герань. В домике живут...

Наискосок от домика находится Спасо-Евфимьевский монастырь. На его территории похоронен князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Кроме того, там много редчайших построек. Однако туристы вежливо интересуются, почему въезд в монастырь замурован железными воротами со смотровым глазком. И тогда гид начинает объяснять, что в монастыре находится некое исправительно-воспитательное заведение...

А тем временем опустился на землю кроткий вечер. И тут размякшие туристы вдруг замечают, что это не простой вечер, а вечер Троицына дня.

Казалось, шире стали улицы Суздаля.

Казалось, все население города вышло в этот вечер на улицы.

Девятиклассники робкими светлячковыми стаями выпархивали из скверов на центральную артерию города. Более взрослая молодежь, придушенно и грозно ревя «На тебе сошелся клином белый свет», поотделенно маршировала по той же артерии, мешая слаженному проезду экипажей. И, наконец, несколько суздальян возрастом о тридцати бились головами в забаррикадированные продажи с отвратительным мычанием: «Открой, ну, открой. Слышь, т-бе г-ворят!.. Ну, дай бутылку...»

Вместо того, чтобы организовать какое-либо сугубо светское развлечение, местные компетентные лица, как бумажный корабль, поплыли по стихийному троицыному руслу.

Не будем, впрочем, осуждать их строго. Нет для таких развлечений подходящего места в городе Суздаля. Не в Доме же культуры, колонны которого находятся на вечном ремонте! Особенно если учесть, что среди этих колонн нет даже музработника. Вернее, в городе есть музработник, Альберт Петрович Егоров, но он пребывает в конфликте с администрацией Дома. Ибо, как свидетельствует изустная летопись, в лето 1965-е деятель музыкальной культуры «бысть пиан аки сапожник» и в результате некоординированных действий рук и ног сокрушил большое домкультуровское зеркало...

Где же развлечься суздальянам, где организованно отдохнуть душой?

Проходя мимо руин, что лежат одесную музея, поднаторевшие туристы говорят: «А это, видать, остатки кремля XII века».

А это не остатки кремля. Это зачатки танцевранды XX века, которую не могут соорудить какой уже год. Зато на всамделишных крепостных валах юные потомки кривичей, мордвы, мери и муромы ведут жестокие битвы в «буру» и академическое «двадцать одно». И бысть сеча велика и носы своя иссекоша... Пока играют на «раз-два по морде», а там, глядишь, сыграют и на отцовский лиджак...

Еще совсем недавно на городском вече зрел проект: устроить в редчайшей трапезной Покровского монастыря экзотическое кружало в древнерусском стиле, с подачей меда, пива и жареных лебедей. И только благодаря категорическому вмешательству обкома партии нелепому проекту дан задний ход.

Я уезжал из Суздаля, так сказать, христа ради, на случайной машине, потому что уехать вечером отсюда сложнее, чем с полуострова Таймыр. Хотелось встать у въезда в неповторимый заповедник, троекратно поклониться компетентным лицам и организациям и сказать нараспев: «Приезжайте сюда, посмотрите. Вот здесь чудно разместился бы кемпинг (за те же деньги, что планировались на кабак в трапезной), а вот тут еще одна гостиница и магазин сувениров и книг, а вот тут... Одним словом, исполать!»

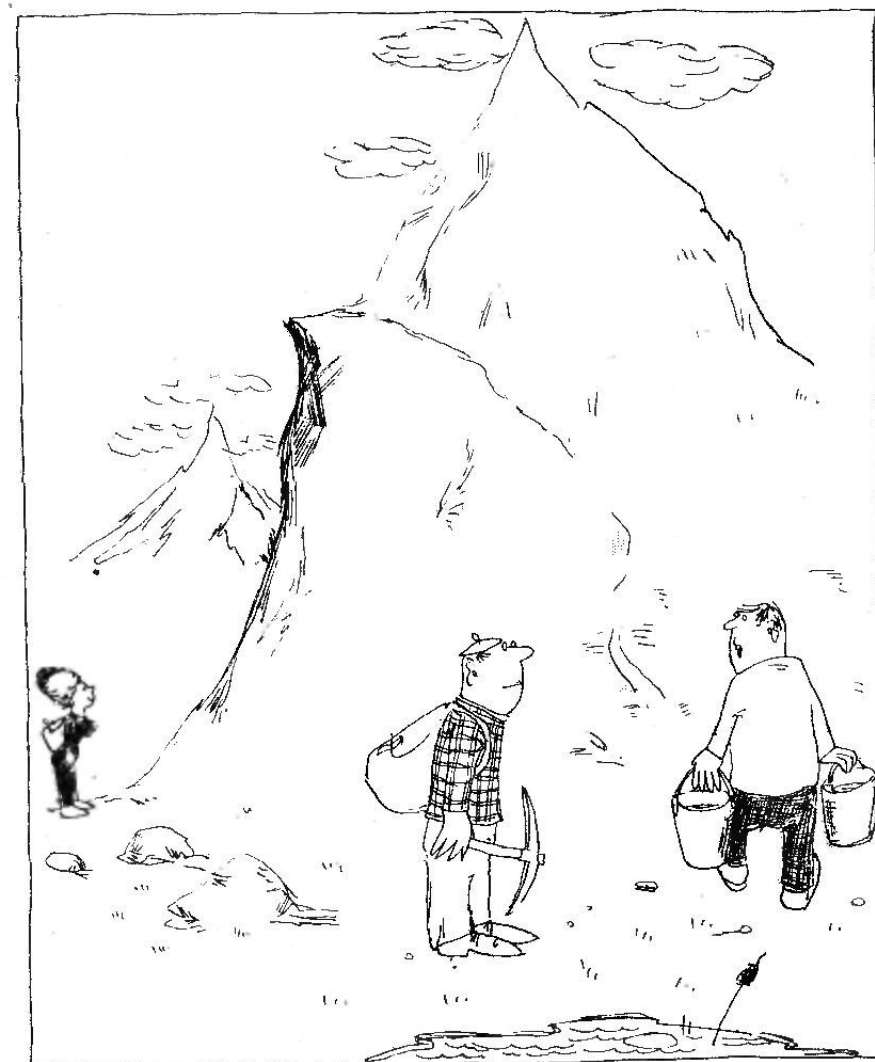
Вл. МИТИН,

специальный корреспондент Крокодила
г. Суздаль, XX век.

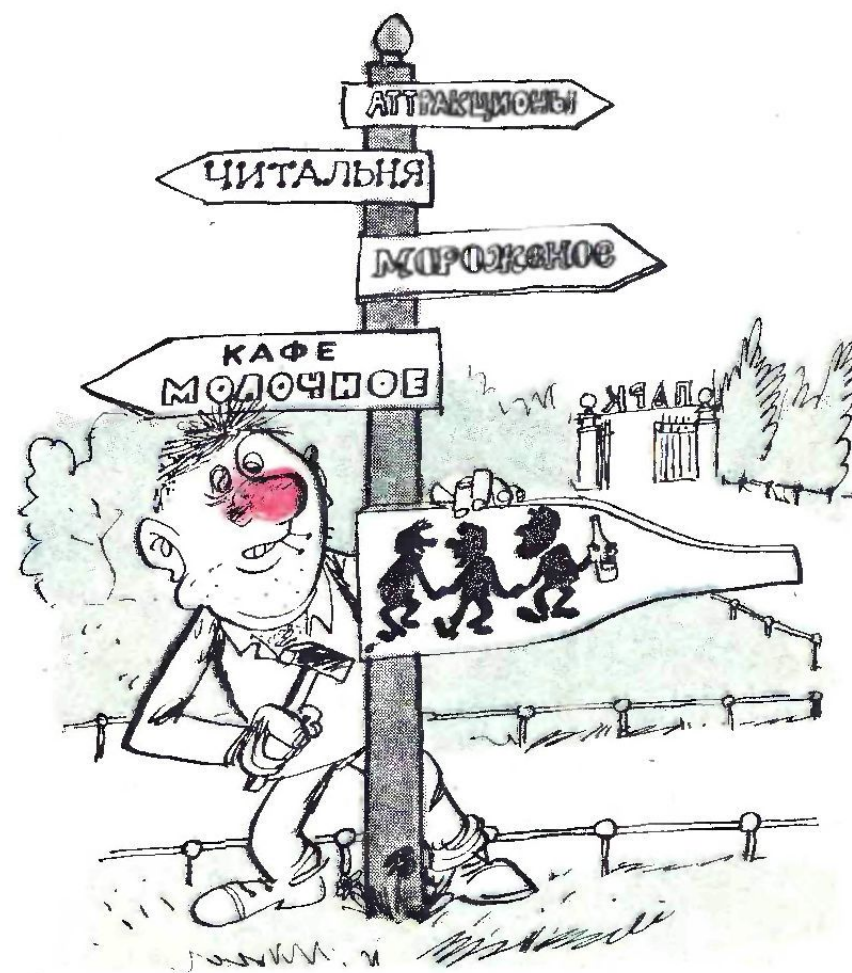
— Теперь-то тебе придется взять меня за город!

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

— Она хочет полюбоваться горным водопадом.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

В порядке уточнения.

Рисунок Б. САВКОВА

«В воскресенье мне был выходной по графику. Утром я сходил в баню, ну и соответственно после бани изрядно выпил. И меня поволокло на подвиги».

г. Сыктывкар.

Прислал В. ИВАНОВ.

«Гук А. П. принимал активное участие в общественной жизни села, был участником художественной самодеятельности, а поэтому попал на скамью подсудимых».

(Из протокола собрания.)

Доставил Ф. ХОМЯК.

Териопольская область.

Фото А. Иванова.

г. Орск.

«Я, Бесфамильный В. Е., вчера 8 марта в кругу семьи праздновал праздник В марта, где я выпил вина».

Утром в парке я встретил зам. директора тов. Иванову Е. И.

Я считаю, что мне нельзя этого было делать, так как нахожусь на работе. Больше этого не повторится».

(Из объяснения работника 1-го легкового таксопарка.)

Копию снял Ю. МЕН.

г. Москва.

«18. 00. Для работающих в ночную смену. Фильм-концерт «На сон грядущий».

(Из газеты «Казахстан в эфире».)

Высотная гостиница для «дикарей».

Рисунок Н. СЫЧЕВА

Когда-то, кажется, в прошлом веке, спорт считался формой отдыха. Давно это было...

Сейчас спорт превратился в маяту, страдание и, я бы даже сказал, в подвижничество. Не только для играющих, но и для наблюдающих. Когда мы опустимся в кресла, на диваны и на стулья или сядем по-турецки на ковры перед телевизорами, чтобы наблюдать за лондонскими битвами наших ребят, знайте, жены, матери и сестры: мы не отдыхаем. О нет. Мы маемся и страдаем!

На турнир в Англии есть два взгляда: выиграют его «наши» или «не наши». На эти вопросы стараются найти более или менее приближенный ответ в Бразилии и Англии, Мексике и Венгрии, Болгарии и Франции и еще в десяти странах, снаряжающих экспедиции к туманным берегам.

Пока получен лишь один ответ, лишенный дипломатической неопределенности, в котором проставлены все точки над всеми «и».

«Разумеется, победим мы, и в этом никто не должен сомневаться» (Рамсей).

То есть не сам Рамсей, тренер английской сборной, сдержанный и рассудительный по натуре человек, а его жена госпожа Рамсей. И чтобы развеять последние сомнения у слушателей, она добавляет:

— Мой муж еще ни разу в жизни не ошибался.

Телетайп разнес эти слова по континентам, и некоторые уже стали задаваться вопросом: «А следует ли тратить на дорогу?» Но вскоре из-за океана пришло сообщение:

«Взвесив и обсудив свои возможности и проведя мероприятия, направленные на выявление резервов, мы пришли к убеждению, что команда Аргентины сможет достойно провести турнир». Примерно так заявил ее тренер Освальдо Зубелдио. Потом, подумав немного, он добавил: «Если только наши игроки прекратят забастовку и снова начнут приходить на тренировки».

Но у футболистов оказался железный характер: они бастовали, а тем временем сердца аргентинских любителей футбола обливались кровью и наливались жадной мести. В конце концов восторжествовал принцип: из команды удалили тренера, которого не хотели игроки, и игроков, которых не хотел тренер. Все стало на свои места, и команда заново начала подготовку к финальным играм чемпионата мира.

Этот пример должен вселить вдохновение в тренеров других команд: значит, есть еще время! Значит, можно еще спокойно подумать, кого из сорока кандидатов выставить на первый официальный матч.

Оказывается, тут есть два миллиона вариантов и два квадрильона взглядов, мнений и предложений (я не знаю точно, сколько это — два квадрильона, может быть, есть числа и побольше, тогда стоило бы назвать их).

Некоторые ехидные обозреватели говорят, что если бы игры грядуще-

НА ЛУНЕ И ПОД ЛУНОЙ

Самый обычный рейс на Луну с желающими провести там свой летний отпуск обещает пассажирам космического корабля много приятного. Отбытие с Земли строго по расписанию. Никакой толкотни и давки в салоне. Нормальная температура. Вдоволь кислорода. Чарующие картины за стеклом иллюминатора. Есть и возможность покинуть кресло, чтобы размяться свободным полетом в космосе, чуть придерживаясь мизинцем за многометровый фал.

Однако после сверхмягкой посадки у места отдыха отпускника будут ждать кое-какие разочарования. Море Ясности и Океан Бурь абсолютно безводны. Ни тебе выкупаться, ни половить рыбки! И пляжа приличного не найдешь. Вместо обкатанной волнами гальки и бархатистого песочка сплошные вулканического происхождения каменюки вперемежку с осколками метеоритов. Да и леса на Луне не сыскать...

Да, что касается благоприятных для отдыха мест, то с нашей Землей не в силах соперничать ни Луна, ни Марс, ни Венера. Вот только добираться к таким благословенным местам трудновато. Об этом свидетельствует толстая пачка читательских писем, лежащих на рабочем столе Крокодила.

До острова Хортица с его пляжами, дубравами и лугами жителям Запорожья куда ближе, чем до Луны. Былая резиденция запорожских казаков находится ныне в черте города. Поэтому и курсируют на Хортицу не ракетные корабли, а всего лишь автобусы. Как ими пользуются, красочно сообщает Е. Туренко:

«Толпа на остановке все прибывала. Наконец подкатила «островская» машина. Люди бросились вперед, но водитель властно поднял руку и произнес:

— Автобус с линии снят! Дальше пойду «заказным»...

И снова томительное ожидание. Через каких-нибудь полчаса отдаленный рокот мотора заставил всех вздрогнуть и занять выгодные посадочные позиции. Саму посадку — вернее, загрузку — невозможно описать. Это было что-то грандиозное, волнующее. Очнувшись я уже в пути от голоса кондуктора:

— Граждане, попытайтесь передать деньги на билеты!

Лезу в карман: зажигалка, расческа, пачка сигарет... Откуда взялось все это?

— Товарищ! — слышу где-то сбоку. — Что вы ищете в моем кармане?

— Извините, но здесь должен быть мой.

— Плохо ориентируетесь! Ваш под мышкой вон у той дамы.

Остановка. Выпало четыре пассажира, их место заняли новые шесть. Еще остановка. На сей раз выдавили наружу и меня. До Хортицы я добрел пешком».

Прескверно обслуживает автомобильный транспорт и челябинцев, стремящихся отдохнуть на берегу озера Кумкуль. И они испытывают при посадке в автобус перегрузки организма посильнее космических.

«Разгорелась рукопашная схватка, но мы все-таки влезли, — пишет нам Г. Власов с Челябинского тракторного. — Стоим среди счастливых, вспотевших, усталых, без единой пуговицы на одежде. Победы легко не даются!

— Не поеду, пока не сойдет десять человек. Не положено! — объявляет водитель и уходит в тень на скамейку.

Среди пассажиров много рыболовов с удочками, с рюкзаками. Почему-то именно их считают виновниками задержки. На рыболовов смотрят с возмущением, требуют покинуть автобус. Те не сдаются.

— Хорошо же! Попомните меня! — говорит водитель и вскакивает в кабину.

Рывкнул двигатель. Вскоре Челябинск остался позади. Когда подъезжали к повороту на озеро, любители рыбной ловли сгрудились у двери, приготовившись выходить. Вот и мелькнула табличка «Кумкуль — 3 км», но шофер вовсе гнал машину дальше.

— Остановитесь! Остановитесь! — молили рыболовы.

Водитель только посмеивался. Притормозил он лишь после того, как какой-то разгневанный старичок огрел его удищем по шее».

Вот до какого греха можно довести измученного пассажира! О переполненных до крайних пределов автобусах, троллейбусах, трамваях, электричках на линиях к излюбленным местам отдыха пишут нам и Б. Комашинский из Новосибирска, В. Козубенко из Махачкалы, В. Маринкин из Москвы, Ф. Васильевский из Орджоникидзе, Г. Михайлов из Баку, пишут из многих городов. И жалуются люди, конечно, не на то, что вагоны не резиновые. Беда в ином: далеко не всюду помнят старую истину, что не пассажиры для транспорта, а транспорт для пассажиров.

Сибиряки сетуют, что, как только на Черноморском побережье начинается «бархатный сезон», дяди из Министерства путей сообщения отменяют летнее расписание, а с ним — прямые вагоны из Иркутска и Новосибирска к южным курортным центрам. Из-за этого курортникам приходится мытариться на пересадках.

А сколько еще потерь несет курортник, добывая билеты на обратный путь! Отдыхавший в Евпатории горьковчанин А. Ратовский пишет:

«Первое время нас интересовали только море и столовые, но вскоре мы узнали, что такое 1-63. Эту цифру в Евпатории можно увидеть повсюду: на фасадах магазинов, в туалетах, на бумажных салфетках в ресторанах, чаще всего ее встречаешь на стенках телефонных будок.

1-63 — это номер телефона городской железнодорожной станции, с помощью которой «дикарь» может заказать за десять дней билет на поезд, который формируется в Симферополе».

Несчастный курортник часами выстаивал в очередях к автомату, уныло брел двухкопеечными монетами и с вождением поглядывая на Черное море. Часами же набирал вечно занятый номер 1-63. Когда удавалось дозвониться, из трубки доносился воркующий женский голосок: «Сегодня билеты кончились». К месту постоянной прописки А. Ратовский все же уехал, каким-то чудом вырвав билет на симферопольском вокзале...

Впрочем, довести свою нервную систему до полного истощения можно и в самом поезде, когда купишь билет сравнительно легко и отправишься в путь полным бодрости и оптимизма. Вот другой горьковчанин, А. Пуряков, решил пренебречь красотами Крыма и Кавказа и поохотиться во время отпуска в лесах Вологодской области. К охотничьим угодьям должен был домчать его поезд Вохтога — Карица.

И домчал! Расстояние в 130 километров этот поезд одолел ровно за полсутки. От такой скорости сдадут нервы даже у тигристов!

А не относятся ли повнимательней к пассажирам в Аэрофлоте? Увы!

Во Фрунзе прибывает из Средней Азии с десятком самолетов, а к берегу киргизского моря, к озеру Иссык-Куль, стартует только один.

«Большинству пассажиров-курортников приходится ждать пересадки по нескольку часов, — жалуется В. Дегтярев. — А ведь как дорого для отпускника время!».

Само собой, что с открытием навигации на Луну многие заботы с плеч земных транспортных средств будут сняты. Тысячи отпускников предпочтут отдыхать на берегах Моря Ясности и Океана Бурь, чем иметь дело со средствами передвижения на нашей планете.

Но ведь это лишь в будущем, хотя и недалеком...

Значит, пока что транспортникам надо поднатужиться и наладить свою работу под Луной.

Е. ШАТРОВ

ЗРЕНИЯ...

го чемпионата длились не два тайма, а один, нашей команде не было бы равных.

Другие не менее ехидные обозреватели вспоминают, как сборная вистую проиграла первый тайм в одном бразильском поселке городского типа. Эта группа комментаторов предлагает отдать предпочтение игрокам, которые обходятся без вальерьянки при слове «Бразилия» и мужественно принимают бой. Представители третьей группы, поднимая вверх палец, спрашивают: «А знаете ли вы, что такое «каттеначчо» и как нам играть в подгруппе с итальянцами?»

Среди защитных вариантов система «каттеначчо», без сомнения, самая эффективная. В переводе это дверная цепочка. По мысли изобретателя этой системы, она позволяет вовремя захлопнуть дверь в случае опасности. Говоря иными словами, оттянуть на защиту достаточные силы.

Авторы этой системы вряд ли догадываются, что еще задолго до них манера игры «вперед-назад» была са-

мым тщательным образом разучена и взята на вооружение некоторыми нашими командами, верными девизу «лучше не забить, чем пропустить».

Счет 0:0 в домашних турнирах дает очко. В Сандерленде, где нашим предстоит проводить предварительные игры, такой счет может обернуться нулем и билетами на срочный обратный авиарейс. Там надо играть в футбол и забивать голы.

Среди шестнадцати финалистов есть две команды, имеющие незримое преимущество. Это сборные Мексики и Корейской Народно-Демократической Республики. Считалось, что они по классу уступают другим. Мексиканский тренер Треллес никого не разубеждает в этом. Он был бы очень рад, если бы с его командой играли, как с аутсайдером.

Корейские же футболисты последними международными матчами (в том числе выигравшем у сборной Бухареста — 4:0) изрядно попортили настроение соседям по подгруппе. Известно, что корейцы — наши первые соперники в Англии — гораздо сильнее, чем казалось раньше. И те, кто видел эту команду, говорят: «Первый соперник — опасный соперник».

А разве сахар два других соседа — итальянцы и чилийцы? Нетрудно понять заботы тренеров. Ведь говорят же: «Выигрывает команда, а проигрывает тренер». А сейчас нам проигрывать негоже. Наш футбол давно вышел из юношеского возраста, окреп, набрался сил, получил представительство (и не одно!) в сборной команде мира.

Одним словом, у тренеров забот полон рот, головы полны схемами, вариантами, системами и тягостными размышлениями, кого же все-таки взять в команду.

Судьям куда проще. У них все ясно, что к чему. Каждый знает точно, когда пробивать корнер, когда свободный, а когда штрафной удар, как никто не знает точно, когда надо и когда не надо назначать пенальти (в этом тоже есть своя система).

До турнира остается совсем мало дней.

Уже руководители испанской команды заготовили по две речи на каждую игру — на случай победы и поражения. Уже тренер швейцарской команды Фони закончил разработку «специального плана перевооружения национального футбола» и по-

обещал обнародовать его после возвращения команды из Англии. Уже друзья-болгары в тысячу первый раз услышали: «Вам нечего терять, но зато вы можете...» — и в тысячу первый раз ответили: «Знаем, знаем» (команда Болгарии попала в одну подгруппу с командами Бразилии, Португалии и Венгрии, а из подгруппы в следующий этап соревнований выходят только две команды). Уже врачи-психологи футбольных команд сдали на машинки рукописи кандидатских и докторских диссертаций и ждут для защиты лишь одного — благополучного исхода розыгрыша. Уже журналисты (на каждого игрока будет по меньшей мере пять корреспондентов) выучили наизусть имена всех трехсот пятидесяти двух футболистов. И только тренеры продолжают терзаться сомнениями, кого же выставить на первую игру.

Между тем это так просто — сперва из сорока отобрать двадцать два. А потом разделить эти двадцать два пополам, и тем, кто выйдет на поле, сказать: «Ну, смелее!»

А. КИКНАДЗЕ

Веселье для бесстрашных

Дорогие граждане отпускники! Склонившись над картой в раздумьи, куда бы поехать отдохнуть летом, перво-наперво зачеркните красным или лучше черным карандашом станицу Бесстрашную, Отрадненского района, Краснодарского края. Здесь есть две развлекательные точки: маленький сарай по кличке «клуб» и «Большая хата». По воскресеньям «Большая хата» вмещает почти все взрослое мужское население станицы.

Участники великого еженощного гулянья собираются у магазина. Затем, булькая оттопыривающимися карманами, они вприпрыжку спускаются в заросли бурьяна, именуемые у нас «Большой хатой».

Мальчишки, которых еще не влечет «Большая хата», гоняют в футбол на огородах. Счет идет на разбитые окна. Потом мимо школы, где второй год ржавеют духовые инструменты, ребята несется на «пляж» у пересохшей речушки...

Конечно, можно было бы и запрудить речушку, и найти инструктора, чтобы наладил спортивную работу, и пригласить музыкального руководителя, и перестроить клуб. Но для этого требуются большие хлопоты. А зачем нам большие хлопоты, если у нас есть такая замечательная «Большая хата»?

Андрей РУДЬ

Станица Бесстрашная,
Отрадненского района,
Краснодарского края

— Мне бы почитать что-нибудь...

— Где живешь?

— В общежитии.

— Только под залог.

— Почему?

— Не внушаете доверия.

Оценивать доверие к себе рублями я не собираюсь. Поэтому, немного огорчившись, отправляюсь к любимой. А, кстати заметить, подруга моя живет тоже в общежитии. Прихожу. И сразу натыкаюсь на мощную грудь вахтера.

— Можно?

— Нет!

— Почему?

— Пущать не велено. Запретили.

Поспешно скрываюсь.

Вопрос, старый как мир, встал передо мной во всей своей безнадёжности: «Что делать?»

Настроение приближается к абсолютному нулю. Остается последнее — сходить к другу. Не теряя же вечер понапрасну. Использую все возможности!

НЕ ВЕЛЕНО!

Ох, забыл! Друг-то тоже в общежитии живет. Но ничего. Не буду терять надежды. Раньше-то пускали. Правда, после предварительного допроса и изъятия документов. Иду. Встреча с другим вахтером:

— Куда?

— К другу.

— Нельзя!

— Вот мои документы.

— Не надо. Никак нельзя.

— Почему? Ведь раньше-то пускали.

— То раньше. А сейчас нельзя. Запретили.

Вздыхаю и иду домой, в свое общежитие.

Мимо своего вахтера прохожу не дыша. А вдруг не признает? Придется ночь на улице проводить.

Уф, пронесло! Ложусь спать.

На следующий день снова делаю попытку развлечь себя. Иду за электропроигрывателем. Напрокат. Есть у нас в городе такое заведение. Все-таки веселей будет день коротать. Кстати, музыки в нашем общежитии не слышно месяцами, наш любимый друг радио молчит. Вероятно, кто-то заботится о нашем покое.

Прихожу.

— Мне бы музыку какую-нибудь.

— Из общежития? Не даем.

— ???

— Не велят. Запретили.

— Кто?

Выяснить не удалось.

Б. МАКСИМОВ

г. Салават, БАССР.

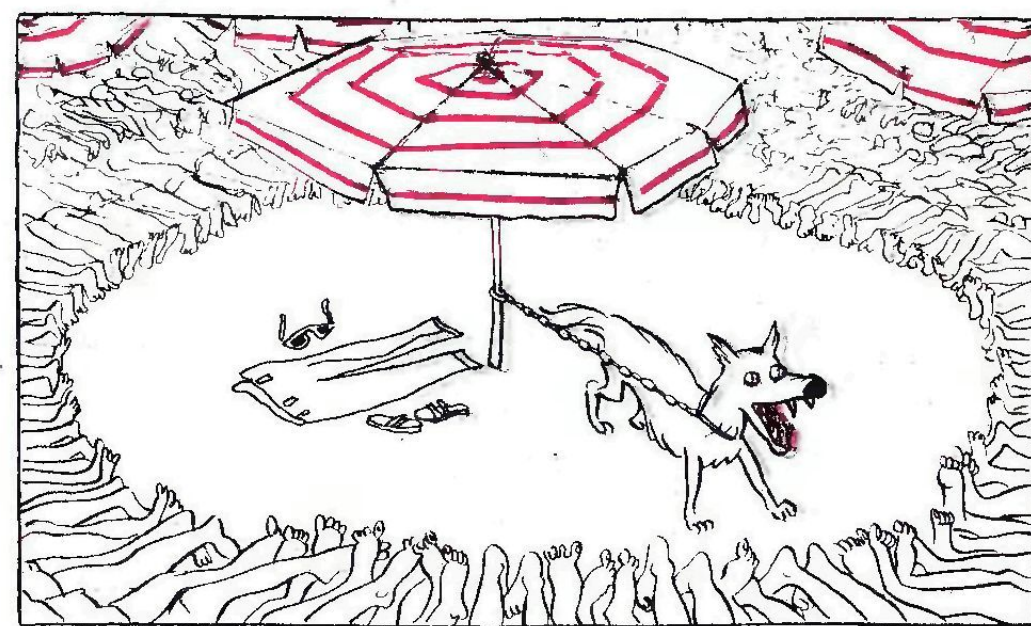
Идеальный натурщик.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Опять накурил — не продохнешь!

Рисунок С. СПАСКОГО

Занято...

Рисунки Ю. ПЕРЕПЕЛКИНА
(г. Саратов)

ГРОССМЕЙСТЕРЫ В БЛИЗИ

Дмитрий БЕЛИЦА

С югославским журналистом Дмитрием Белицей я знаком около восьми лет. В Югославии, Швейцарии, ГДР, ФРГ, Швеции — всюду на шахматных турнирах можно встретить этого талантливого комментатора. Дважды побывав он и в нашей стране. О своих впечатлениях, беседах с сильнейшими шахматистами мира — Петросьяном, Спасским, Ботвинником, Фишером и многими-многими другими — он увлекательно рассказывал в книге «Гроссмейстеры вблизи».

Надеюсь, что читатели «Крокодила» оценят эти смешные «кусочки», выбранные из книги Белицы.

Международный гроссмейстер
Михаил Таль

СУДЬЯ И ВЕНТИЛЯТОР

Во время матча Решевского и Фишера в тяжелое положение попал... арбитр матча!

Известно, что оба американских гроссмейстера частенько капризничают. И во время этого матча они оба предъявили противоположные требования: Фишер хотел, чтобы включили вентилятор, а Решевский заявил, что в таком случае он не сможет играть, так как шум вентилятора мешает ему сосредоточиться.

Судье нужно было тут же найти приемлемое для двух гроссмейстеров решение. И он его нашел: он включил вентилятор, когда ход делал Фишер, и выключал его, когда наступала очередь Решевского.

«ХОД СЛЕЗОЙ»

Я как-то спросил гроссмейстера Полугаевского:

— Приходилось ли вам на каком-либо матче смеяться?

— Как же! — ответил Полугаевский.

Однажды я присутствовал на командном женском первенстве Москвы. Одна из шахматисток сделала ход ферзем и тут же заплакала. Игравшая с ней ее соперница подошла к тренеру.

— Как я должна поступить? — спросила она. — Моя противница подставила своего ферзя под удар и, только сделав ход, поняла это. Теперь она сидит и плачет... Братъ мне ферзь?

— Конечно, братъ! — твердо заявил тренер. — Спорт есть спорт.

Шахматистка вернулась к столику и сняла с доски ферзя соперницы.

Та, в свою очередь, сразу же вытерла слезы и следующим ходом поставила ей мат!

«ОПАСНОЕ СХОДСТВО»

В 1958 году на олимпиаде в Мюнхене забавный случай произошел со мной.

Дело в том, что внешне я очень похож на югославского гроссмейстера Александра Матановича, принимавшего участие в этой олимпиаде. Маленький зал не мог вместить всех желающих присутствовать: одних участников было около 200 человек! Поэтому журналистов в зал не впускали. Я подошел к дверям, и вдруг человек, стоявший на контроле, сказал:

— Пожалуйста, проходите, гроссмейстер Матанович!

Каюсь, я не стал спорить...

Так продолжалось несколько дней. То, что из всех корреспондентов в зале бывал только я, возмутило многих моих коллег, и они заявили протест представителю оргкомитета Шнейдеру. На другой день Шнейдер, увидев прогуливавшегося вокруг столика гроссмейстера Матановича — тот ожидал, когда его противник сделает ход, — подбежал к нему и категорически потребовал, чтобы Матанович ушел из зала!

ГРОССМЕЙСТЕР В ОТДЕЛЕНИИ МИЛИЦИИ

Об этом гроссмейстере Таль не очень любит вспоминать, но что было, то было! Во время шахматного чемпионата СССР в Москве в 1957 году партия

Таль — Болеславский была отложена в тяжелом положении для Таля. Всю ночь Михаил анализировал сложившуюся ситуацию, но так и не нашел спасительного хода. Утром он, глубоко задумавшись, шагнул по улице, перешел в установленном месте на другую сторону, и... конечно, раздался пронзительный свисток милиционера. Паспорта и денег у гроссмейстера с собой не оказалось, и милиционер препроводил нарушителя в отделение. Дежурный по отделению, не отрывая глаз от стоявшей на столе шахматной доски, спросил:

— Фамилия?

— Таль, — ответил гроссмейстер.

— Бросьте шутки! — рассердился милиционер. — Также мне гроссмейстер нахулился!.. А впрочем, если вы действительно Таль, то это нетрудно проверить: вот я всю ночь просидел над этой партией и никак не могу придумать выхода для Таля! Если вы Таль, какой ваш ход?

— Если бы я знал! — воскликнул гроссмейстер. — Я тоже просидел всю ночь и не нашел спасения!

Так любитель шахмат из отделения милиции первым в Москве узнал о том, что Таль проиграл эту партию.

Перевел с сербскохорватского
Г. МАРКОВИЧ

Ресторан «Полынь»

Недаром в Барнауле ресторан «Полынь» считается лучшим местом отдыха после работы. Здесь всегда свежий воздух с запахом цветов и полыни. Отсюда и название.

В ресторане просторно, светло. Ни толчеи, ни шума.

Ресторан без официантов. И это очень хорошо! Жди их да нервничай! Посетители на самообслуживании: бери, что нравится, что по карману. И главное, здесь всегда встретишь товарищей по работе.

Ресторан «Полынь» открыт всегда.

Я чувствую, вам уже хочется побывать в нем. Вы хотите узнать, где же он расположен?

Сообщаю: гор. Барнаул, Октябрьский район, пустырь в трехстах метрах от моторного завода. Рядом — пивной ларек, через дорогу — «Гастроном», где всегда есть что выпить и чем закусить. Жаль только, что ресторан закрывается на зиму...

Т. ПОПОВА

г. Барнаул.

Вдохновенная схема

Испокон веков считалось, что вдохновение нужно для стихов. Но для составления туристской маршрутной схемы вполне достаточно одной точности.

С этой, казалось бы, непреложной истиной не согласно Главное управление геодезии и картографии бывшего Государственного геополитического комитета. В вылущенной управлением туристской маршрутной схеме Москва — Астрахань — Ростов-на-Дону весьма много вдохновенных строк, заменяющих точность.

Туристская схема вдохновенно сообщает, что село Беловолжское находится на левом берегу Волги. А оно находится на правом берегу. Далее туристская схема сообщает, что село Беловолж-

ское принадлежало отцу Н. И. Лобачевского. А у него даже маленькой деревушки не было.

Едем дальше. Из схемы явствует, что в Козловке находится целлюлозно-бумажный комбинат. Увы, комбината здесь нет, а есть домостроительный завод.

На этом остановимся. Не будем перечислять все вдохновенные строки. И тем более не будем цитировать все, что говорят туристы, читающие эту схему.

По просьбе коллектива учителей Козловской средней школы № 1 Чувашской АССР

Петр ЭЛЬКИНСКИЙ

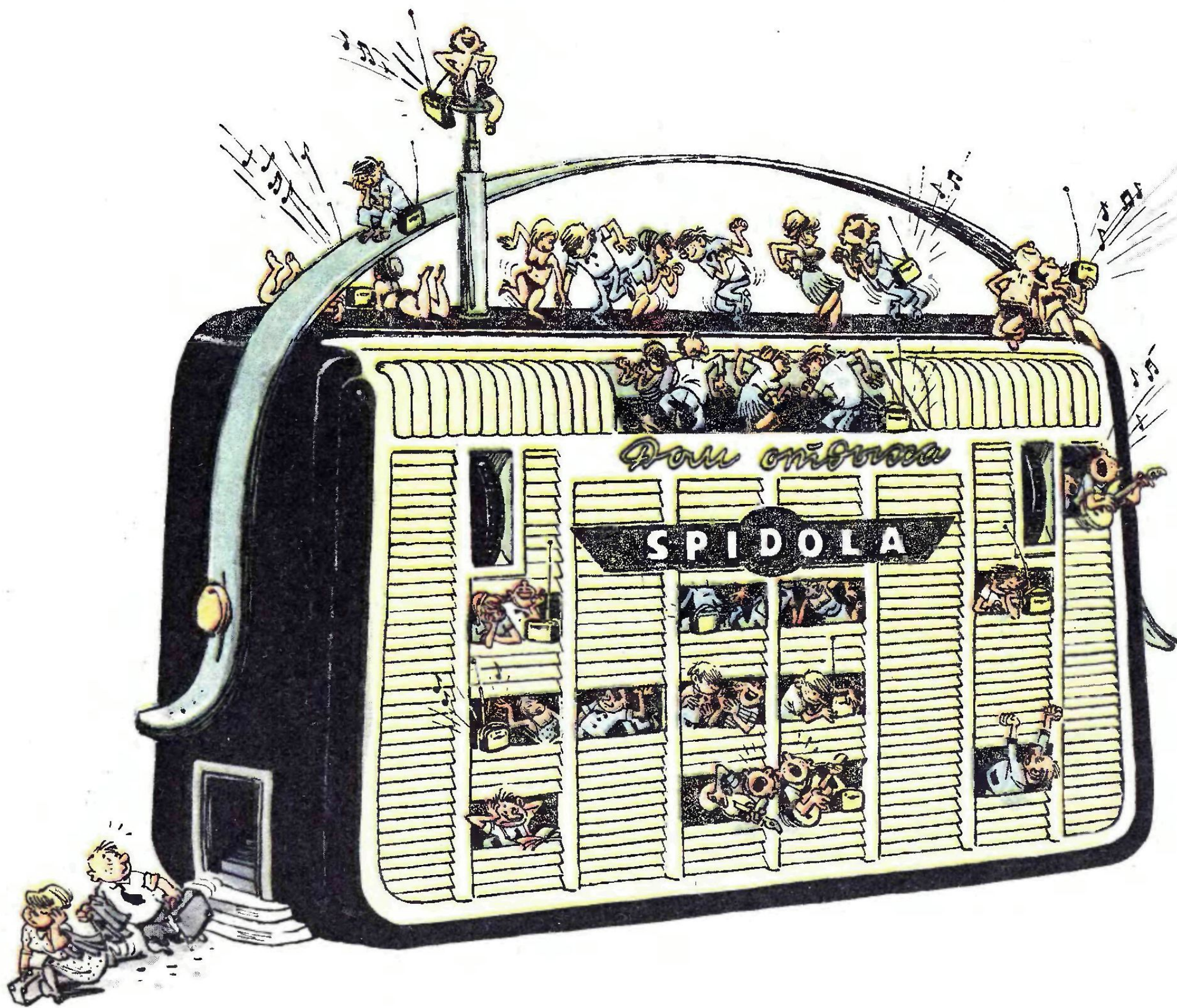

Рисунок Е. МИГУНОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

В парне повсюду висят объявления: «Запрещается топтать траву, штраф 1 шиллинг».

— Почему это снизили штраф? — спрашивают у полицейского. — Ведь раньше было три шиллинга.

— Да, но за три шиллинга никто не хотел топтать траву.

— Где ты провел отпуск?
— Половину в горах.
— А другую половину?
— В гипсе...

Жена: — Джон, врач предписал мне срочно выехать на юг, и по возможности надолго. Куда ты мне посоветуешь направиться — в Майами или на Таити?

Муж: — К другому врачу.

Муж показывает другу фотоснимки, сделанные в отпуске.

— Я смотрю, ты снимал свою жену ежедневно, — замечает друг.

— Это был единственный способ хоть раз в день увидеть на ее лице нечто вроде улыбки.

Возмущенный дачник обращается к хозяину дачи:

— Что за безобразие! Ваш пес всю ночь выл у меня под окном.

— Не волнуйтесь, он отойдет к дню.

— В будущем году, — сказал начинающий огородник, — я сделаю все наоборот: я посажу сорняки, и пусть их задушат овощи.

Городская девочка, приехавшая с мамой отдохнуть в деревню, видит, как крестьянин привязывает к лошадиной морде мешок с овсом.

— Дядя, а у вас ничего не получится.

— Это почему же?

— Лошадь в такой маленький мешок не влезет.

Рыбак — прохожему:

— Слушайте, вы уже три часа стоите за моей спиной и смотрите, как я ловлю рыбу. Сели бы сами и удили.

Прохожий:

— Мне для этого не хватает терпения.

Объявление:

«Автолюбители! Отправляясь на загородные прогулки, помните, что лучше делать по 30 км в час и прожить 100 лет, чем по 100 км и прожить 30 лет».

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Адрес редакции:
Москва, А-15,
Бумажный проезд, 14.
Тел. Д 0-10-86.

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ [ответственный секретарь], Б. А. ЕГОРОВ [зам. главного редактора], Б. Е. ЕФИМОВ, В. Д. НАДЕИН, И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ, А. А. СУКОНЦЕВ, Е. А. ШУКАЕВ.

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

А 10616.

Подписано к печати 18/VI 1966 г.

Издательство «Правда»

2 печ. л. 2,80 усл. л.

Формат бумаги 70×108½.

Тираж 4 300 000 экз.

Заказ № 1755. Изд. № 788.

КТО БЛАЖЕН?

Я на работе был ретив,
не нарушал законных правил,
и лотому наш коллектив
меня в дом отдыха направил.
Жена в слезах:
— Имей в виду,
ты клялся мне, еще невесте,
что будешь радость и беду
всегда делить со мною вместе!
— Ну, что же,
в случае таком
тебе, — сказал я, — не перечу.
И мой завком и твой фабком
пойдут охотно нам навстречу.
Прошло не так уж много дней.
Без проволочек и историй
фабком путевку выдал ей,
но в свой фабричный санаторий.
— Хотите ехать с ним вдвоем!
Зачем вам лишняя обуза!
К тому ж путевки мы даем
лишь членам нашего союза.
Ну, что ж, раз это решено,
вновь жить нам врозь,
хоть видим вскоре
в одно вагонное окно
одно на всех
большое море.
Одна огромная луна,
и песни под одну гитару.
Я в Новой Гагре,
а жена —
неподалёку,
в Гагре Старой.
Но не бываем мы вдвоем,
и не для нас оркестр охрипший
играет в чебуречной днем,
а поздним вечером в «Гагрипше».

У них режим,
у нас режим,
швейцар дежурит на пороге.
Лишь после ужина бежим
друг к другу
так.
что дай бог ноги...
И шепчет мне жена во мгле:
— Ты написал бы мне хотя бы.
Оставь записочку в дупле
платана, дуба или граба.
Видать, поэзия была
еще в семейной жизни нашей.
Мы с ней при помощи дупла
общались,
как Дубровский с Машей.
Потом она спросила:
— Ты
не охладил ко мне немножко!
Другим курортницам
цветы
бросают юноши в окошко.
Как на духу, признаюсь всем,
что я в окно к жене законной
с цветами лез,
забыв совсем
про тыловую оборону.
А сторож выпил в этот день
иль, может, просто от испуга,
увидев странную мишень,
забил заряд в берданку туго...
От крупной соли
(ну и боль!) —
будь трижды проклят меткий сторож! —
меня ты принял
(вот в чем соль!)
не за супруга, а за вора.
Всадил заряд и шмыг в кусты...
Хочу призвать тебя к ответу:
зачем же так нарушил ты
бессолевою мне диету!
Жена в слезах.
Твердит одно:
— Я олозорена до гроба.
Раз кто-то лез ко мне в окно.
Всем ясно,
что я за особа!
А у меня печальный вид,
как вспомню о своем конфузе.
Блажен лишь тот,
кто состоит
с женой в едином профсоюзе!

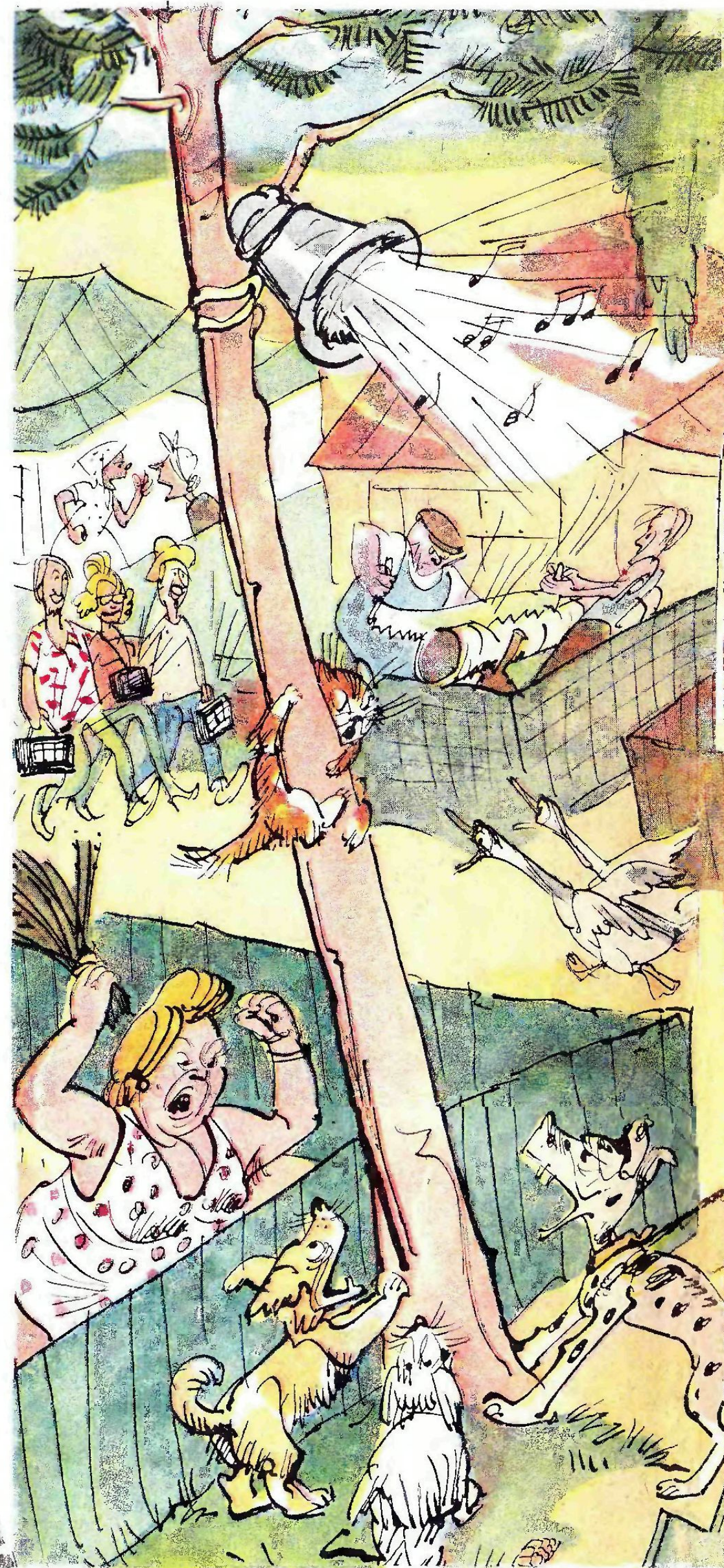

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

Цена номера 12 коп.

Индекс 70448

Дачная рапсодия

Итак, дорогой товарищ, вы хотите отдохнуть после напряженного зимнего труда. Вполне законное желание. И вы хотите хотя бы один денек провести на лоне природы в районе Верхней Березовки, где-нибудь недалеко от поселка писателей и научных работников, которые прибыли на дачи с той же самой целью.

Прекрасно.

Вы высаживаетесь из автобуса и хотите найти самый что ни на есть интимный зеленый уголок и посидеть или полежать в душистой зелени. Проходите, пожалуйста.

Вы хотите послушать пение лесных птиц? И даже хотите услышать «куку»? Эх, чего нет, того нет. В прошлом году дачни-

кам иногда удавалось слышать эту приманную народного птичьего хора. А нынче кукушка и другие солисты лесного хора подались подальше в тайгу.

И, сказать по секрету, знаете, кто лишил их этого самого ангажемента? Товарищ Денисенко, новоявленный покровитель мощных репродукторов, которые по его личному распоряжению установлены в пионерском лагере «Спутник», что расположен рядом с дачным поселком.

Слышимость здесь, прямо сказать, отличная: чистый воздух, лес, эхо и все такое. Далеко слышно. Вы утверждаете, что сейчас идет борьба со всякого рода шумами и что видные представители медицин-

ской науки у нас и за рубежом имеют смелость утверждать, что шум — это враг человека, что ему (шуму) и его покровителям надо объявить беспощадную борьбу.

Чепуха!

Не возмущайтесь. Не надо. Тов. Денисенко с простыми смертными разговаривать не любит. Он просто рявкнет в ответ на ваш телефонный звонок (как нам когда-то): «Вам мешают репродукторы, так и уезжайте с дач, а нам не мешайте оздоравливать детей» — и швырнет трубку на рычажок.

Вы спрашиваете: где пребывает и какой пост среди смертных занимает тов. Денисенко М. Е.? Увы, он еще не на Олимпе, а в Улан-Удэ. И является он председателем обкома профсоюза работников связи.

В. ХАЙДУКОВА,
преподаватель

г. Улан-Удэ.